

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<https://sthb.petrso.ru>

№ 1(22). Январь, 2022

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Кабанова
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.

E-mail: studhbor@petrso.ru

<https://sthb.petrso.ru>

Содержание № 1. 2022.

ФИЛОСОФИЯ

МИСЮРОВ Н. Н.	«ДЕМОНИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ» МАКСА ШТИРНЕРА ПРОТИВ ПОЗИТИВИЗМА И МАРКСИЗМА (РУССКИЕ СПОРЫ О ФИГУРЕ ФИЛОСОФА «КОНЦА ВЕКА»)	4 - 12
КАБАНОВА Л. И.	ТЕМАТИЗАЦИЯ «ВНУТРЕННЕЙ РЕАЛЬНОСТИ»: ОТ АВГУСТИНА ДО КЬЕРКЕГОРА	13 - 20

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дьячкова И. Н., Ширинова А. А., Тимановская И. А.	ПОРОГ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ	21 - 28
Шарапенкова Н. Г., Сафрон Е. А.	ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКОГО НАЧАЛА В РОМАНАХ П. ХЁГА «СМИЛЛА И ЕЕ ЧУВСТВО СНЕГА» И Э. А. СУНДА «СЛАБОСТЬ ВИКТОРИИ БЕРГМАН»	29 - 37

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

СУВОРОВА И. М.	ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНИХ ШКОЛ ВЕПСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ	38 - 47
ФАДЕЕВА Н. Л., Сачук Д. И.	ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ РЕАЛЬНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ	48 - 56

УДК 1(091); 130.31

«ДЕМОНИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ» МАКСА ШТИРНЕРА ПРОТИВ ПОЗИТИВИЗМА И МАРКСИЗМА (РУССКИЕ СПОРЫ О ФИГУРЕ ФИЛОСОФА «КОНЦА ВЕКА»)

**МИСЮРОВ
НИКОЛАЙ
НИКОЛАЕВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор кафедры журналистики и
медиалингвистики,
Омский государственный университет им. Ф. М.
Достоевского,
Омск, Российская Федерация, misiurovnn@omsu.ru*

Ключевые слова:

общественный идеал
мое Я
анархическая воля
позитивизм
марксизм
декаданс
философский дискурс
гипертекст культуры

Аннотация:

Актуальность одного из «вечных» вопросов отечественной умственной жизни – вокруг творцов каких новых ценностей «вращается мир» – (так полемически обозначенный С. Франком) – определена была остротой самого исторического момента: революционная ситуация (в соответствии с марксистской ее формулировкой) вызревала в недрах еще великой, но уже «больной» страны, верховная власть которой, политические элиты, интеллигенция никоим образом не справлялись со своими свыше начертанными задачами. Необходимость переоценки ценностей одними понималась как установка на революционный радикализм, другими – как признание «теоретического первенства» духовных аксиом над «внешними формами общежития»; одни противопоставляли идею внутреннего самосовершенствования «соборность», другие же абсолютизировали роль личности в истории, в буквальном смысле слова «со-здавали себе кумиров». В статье рассматривается проблема радикальной переоценки взаимоотношений человека с миром в «эгоистической» философии Макса Штирнера, чьи идеи послужили основой ницшеанского бунта против общественных устоев, традиционных ценностей и христианской морали, социального, анархического бунта против основ общественного устройства и государства. Утверждается, что «религия человека» как критическое переосмысление идей Фейербаха оказалась адекватной содержанию и форме новой фило-софской («антропологической») парадигмы. В работе доказывается, что на благой русской культурной почве эти весьма экстравагантные по форме представления (презентации когнитивных смыслов), однако основывающиеся на справедливых критических умозаключениях, нашли самобытный отклик по целому ряду причин (объективных и субъективных факторов общественного развития накануне первой русской революции). Делается закономерный вывод о том, что в социокультурном контексте «конца века» (в

ситуации общего кризиса знания, дискредитации «классической рациональности», крушения гуманизма и смены культурной парадигмы) эта колоритная фигура очередного «властителя дум» наиболее соответствовала ожиданиям заинтересованных сторон (как «слева» и «справа», так и в центре, а также на периферии этого противостояния новейших идей и мнений).

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 17 апреля 2022 года

Опубликована: 18 апреля 2022 года

Введение. Русская общественная мысль на рубеже эпох

Вопрос о «положительном» (не вообще, а именно духовно возвышающем человека и созидательном) общественном идеале, поставленный Ф. М. Достоевским, в толковании В. С. Соловьева предполагал «одухотворение всего государственного и общественного строя», всеобщую солидарность, исцеление и воссоединение с народом нравственно преображенной «уединившейся личности», что фактически означало «возвращение к вере Христовой» [1, с. 238-239].

Умонастроения своего переломного времени (высшей точкой напряжения всех видимых и скрытых общественных противоречий стала революция 1905 года, поражение в русско-японской войне вызвало глубокий раскол в обществе) очень точно выразил В. Брюсов: «Свобода воли – вот первая аксиома мышления... Может быть, и вероятно, есть другие пути постижения мира; мечты, предчувствия, откровения, но, если почему-либо я выбрал логическое мышление, я обязан ему довериться. Иначе всякое рассуждение станет ненужным» [2, с. 49]. Действительно, онтологическая возможность постичь сущность вещей окружающего мира человеческой мыслью – едва ли ни главная «аксиома мышления» (вольное толкование поэтом «аксиоматических положений», которые позволяют на основании опытом и образованием приобретенного необходимого запаса понятий, «положений» и умозаключений получить более или менее «позитивное» знание об объектах, свойствах и отношениях «действительного» мира в форме «наличного бытия»). Общий и для художника, и для ученого (Брюсов увлекался науками) процесс познания он излагал так: постижение истины предполагает веру в то, что есть «нечто, подлежащее мысли», что есть мир, объективно существующий «помимо меня», но субъективно воспроизводимый из моего сознания и моей опыта; если бы существовало только мое единое, уникальное и вместе с тем подобное всякому «другому», единственное Я, не было бы повода возникнуть самому рассуждению; для мышления нужна множественность (множественность индивидуальных субъективных представлений и множественность многообразных объективных феноменов мира), независимо от того, будет ли это дроблением моего Я или предстанет чем-то внешним. «Множественность начал» – вот еще одна аксиома мышления [2, с. 50].

Философские увлечения в определенных кругах общества были столь разнообразными (от позитивизма и марксизма до теософии и эзотерики), что в изложении того же Брюсова контаминация всех этих плохо друг с другом соединяющихся в какую-то одну воцарившуюся над умами доктрину, но в чем-то созвучных друг другу идей – на уровне эстетического манифеста (в брошюре «Об искусстве», 1899) – выглядела следующим образом: «Человек как личность отделен от других как бы неодолимыми преградами. „Я“ – нечто довлеющее себе, сила творческая, которая все свое будущее почерпает из себя. Мир есть мое представление. Мне даны только мои мысли, мои ощущения, мои желания – ничего больше и никогда больше. Из этого одиночества душа страстно порывается к общению» [2, с. 46]. В этой формуле «нового» человека нельзя не услышать и отзвук пророчеств Шопенгауэра, и своего рода эхо эпатажных афоризмов, самых настоящих инвектив Ницше против устоев общества и основ традиционной морали, заповедей христианской любви к ближнему своему, отголосок споров адептов «положительной эстетики» с последними защитниками теории «чистого искусства». Странное было время – смешения марксизма и ницшеанства, анархизма и декаданса, религиозных исканий и «богоборчества».

Основная часть. «Философия чистого эгоизма» в оценке современников

Философскую – в строгом научном смысле – парадигму (гегельянство во всех его формах и трансформациях, включая «вульгарный» марксизм, составляет своеобразный центр, все идеалистические и чисто эмпирические «системы» – периферию) Г. Шпет характеризовал так: «Господствующая в настоящее время философия есть философия отрицательная. Отрицание является в

ней не конечным только результатом, оно принадлежит к самому существу современной философии, – с отрицания она начинается, на отрицании строится и к отрицанию приходит... Несмотря на это современная философия называет себя по преимуществу философией позитивной. Это наименование не должно вводить в заблуждение» [3, с. 41]. Всюду, по его определению, мы имеем дело с нарочито «не» метафизикой (классической аристотелевской, рационалистической кантианской).

Среди всех фигур – философов и «провидцев» – заметно выделялась одна странная и даже загадочная личность бесспорно «философа конца века», сильно выбивающаяся из общего контекста и одновременно всецело, по факту самого рождения и зарождения, принадлежащая этому «гипертексту» культуры *fin de siècle* – Макс Штирнер (И. К. Шмидт). В самой Германии имя его оказалось забытым вскоре после Мартовской революции 1848 года, смерть его осталась незамеченной прессой и бывшими друзьями, в десятом издании «Энциклопедического словаря» Брокгауза 1854 года ничего не сообщалось об авторе некогда произведшей фурор в среде молодых интеллектуалов и вызвавшей оживленную полемику гегельянцев с социалистами книги «Единственный и его собственность» (1844); в России он стал невероятно популярен в 1890-е годы, потеснив прежнего кумира «прогрессивной общественности» – самого Ницше. Видный теоретик народничества, социолог, публицист и литературный критик Н. К. Михайловский ставил его в один ряд с Сократом (*sic!*) и Ницше за «добросовестность» мысли, хотя и отмечал его «необузданный эгоизм» (в котором в зародыше заключается весь ницшеанский «иммориализм») и его искреннее стремление «освободиться от почтения к разным фантомам» [4, с. 393]. Автора скандальной книги «Единственный и его собственность» Н. А. Бердяев без пристрастия назвал «духовным пролетарием»: действительно, у него нет абсолютно ничего своего, все «духовные реальности – все не его, все ему чужие и совершенно чуждые, и потому ненавистны ему; он запросто поддается страшному самообману, поскольку вообразил, что весь мир является его собственностью, но в действительности он ограбил самого себя – „единственного“, он лишил его всякой собственности, живет „в страшной духовной пустыне“; на самом деле он не только из „ничего“ и ради „ничего“ пытается строить свое эгоистическое и бесполезное в сущности дело, но „ничто“ и есть содержание его ничтожной жизни» [5, с. 223].

Сам он определял свою многих провоцировавшую на ответную негативную реакцию систему как «философию чистого эгоизма». О самом Боге, дерзко утверждал он, можно сказать, что «Его дело чисто эгоистическое»; точно так же обстоит дело с человечеством: служит ли оно чему-нибудь высшему? – нет, в угоду эгоистической цели прогресса оно «заставляет служить себе целые народы, так же, как и отдельные личности, а когда они свершили то, что требует от них человечество, то их из благодарности выбрасывают в мусорную яму истории» [6, с. 8]. Следовательно, всякий раз речь идет о чужом, а вовсе не о нашем собственном благе; бросим же беспощадно критический взгляд на все основополагающие понятия – истины, свободы, гуманности, справедливости, требуется, чтобы мы непременно воспламенялись ими и преданно служили им, а как же наше личное дело, наши собственные интересы, личное благо? «Долой же все, что не составляет вполне Моего. Вы полагаете, что моим делом должно быть по крайней мере „добро“? Я сам – свое дело, а я не добрый и не злой. И то, и другое не имеют для меня смысла» [6, с. 9]. Вот они – истоки и аксиологические начала ницшеанского нигилизма!

Почему все философские откровения и изречения «Единственного» (примем правила игры, предложенные «благонамеренным» прусским подданным и журналистом И. К. Шмидтом, пожелавшим быть Максом Штирнером и допустившим отождествление своего *alter ego* с риторическим, критическим и эпатажным, философским обобщением «героя времени») были столь эмоциональными («суггестивно заряженными», употребив литературоведческое понятие)? Деятельностью мысли, создающей и воссоздающей все новые «сообщения» и «тексты» из разрозненных отдельных элементов предшествующего опыта и освоенного индивидом языкового материала, проецируется в сознание в качестве «немедленно и непосредственно представимого образного целого» некий языковой образ (в том числе условной или отрицательной модальности, получающей положительный образный отклик) [7, с. 246]. Важным аспектом, как отмечается, является «кинетический компонент образа» с присущей ему экспрессивностью; такое представление наделяется особой функцией в образной репрезентации выражений и «смыслов содержания», в особенности – связанных с «символической идеей движения» [7, с. 252]. Такова возможная методологическая основа нашего анализа (неполного, учитывая все аспекты восприятия социально-философского наследия М. Штирнера и противоречивые мнения исследователей, превративших его в многоликий «призрак») социокультурной специфики «метаязыкового» образа «Единственного» (стилизованный под «лишнего человека»), а также образовавшегося в результате всевозможных манипуляций с его идеями «интертекста» (этико-философского контекста).

Отвлеченный человек, заявлял Макс Штирнер, есть «человек вообще», следовательно, он есть

безусловно и в первую очередь (без атрибуции и акцентирования его уникальности) каждый и всякий человек; в таком своем социальном (социологически проясненном) статусе каждый человек несомненно должен обладать «вечными» правами человека, по мнению коммунистов, неограниченно пользоваться ими в будущем идеальном (справедливо устроенном) «демократическом» обществе. «Но ведь только Я имею все, что приобрету себе, как человек я не имею ничего»; «хотят, чтобы все блага стекались в руки каждого человека только потому, что он носит титул „человека“, но человек – это только мое свойство (собственность)» [6, с. 169]. Больше того, он радикально сдвигает акценты к эгоцентрическому полюсу мировосприятия индивидуума и вызывающе объявляет: «Я же делаю ударение на „я“, а не на том, что я – человек». Требуется, продолжает он, «чтобы я усвоил определенное чувство по отношению к миру, в особенности по отношению к людям, и чтобы это чувство, в данном случае любовь, я питал ко всем и всем бы „шел навстречу“; конечно, в этом заключается большой произвол и самоопределение, чем если бы я допустил влияние на меня мира всевозможными ощущениями, или, если бы отдал себя во власть самых разнообразных и случайных впечатлений» [6, с. 284]. На самом деле нет ничего предосудительного в том, чтобы подходить к фактам и феноменам мира «уже как бы с предрассудком и предвзятым мнением»; заранее определив это отношение, «несмотря на всевозможные воздействия со стороны окружающего мира, я мыслю и чувствую так, как решил чувствовать и мыслить»; более того, «против господства мира надо мной я обезопасил себя принципом любви», превозмогая всякую антипатию. Чувство, к которому Я априори «приговорил себя», есть чувство предуготовленное. «Будучи предвзятым, оно предрассудок. Не я проявляю себя по отношению к миру, а проявляется моя любовь. Хотя мир не господствует надо мной, но тем неотвратимее властвует надо мной дух любви. Я преодолел мир, чтобы стать рабом его» [6, с. 284]. Эта позиция – не «отречемся от старого мира».

Для той любви, разъяснял М. Штирнер, которая покоится на «сущности человека» и которая ложилась на нас в церковную («нравственную») эпоху тяжким бременем в виде «заповеди», необходимо специфическое мировосприятие, сформированное классическим воспитанием [6, с. 286]. Камнем преткновения становилась христианская религия, точнее – вопрос (поставленный еще М. Лютером в его речах и писаниях) о свободе веры. Критическое отношение к религии в этот период господства позитивизма в науке и эмпирических научных методов никак нельзя назвать атеизмом. Д. Штраус (в предисловии ко второму изданию своего знаменитого и популярного труда) объяснял критическую обработку жизни Иисуса воздействием «основной руководящей мысли», приверженностью идеям «позитивистского» направления в философии 1840-х годов. С одной стороны, он решительно отвергал «чисто исторический интерес» (справедливо замечая, что «кто пишет о владыках Ниневии или египетских фараонах, тот, может быть, преследует „чисто исторический интерес“», но Христианство есть столь «живая сила», вопрос о его происхождении настолько интересует широкую общественность, что «надо быть тупоумным человеком, чтобы в решении таких вопросов усматривать лишь исторический интерес»); с другой стороны, соглашался с теми учеными, которые отвергали догматы современной Церкви и постулаты теологии, рассматривавшие христианскую религию сверхъестественным откровением, ее основателя – Богочеловеком, а жизнь Его – «непрерывной цепью чудес»; путем исторических изысканий мы можем достичь определенной цели в поисках истины о мире, чтобы избавиться от гнета именно так объясняемой веры (на самом деле, искажения ее сущности). Человек, вооруженный знанием (о христианстве и Христе), убежден в том, что «все совершается естественным образом, даже самый совершенный человек остается человеком, многое в действительности могло совершиться лишь естественным путем»; установлением «действительного» содержания исторического процесса «явственно обнаружится его естественный характер»; наша цель – «оказать содействие человеческому духу в деле его грядущего освобождения от гнетущего бремени веры» [8, с. 22]. С эгоистической точки зрения, «моральное влияние» (определяющий фактор воспитания) – зло, поскольку догмы религии, законы общества подчиняют человека. Обвиняемый в радикализме Штирнер обходился с национальным духовным и «общественным наследием» (немецким лютеранством) куда более уважительно, нежели Фейербах: комментируя известное его изречение о «поворотном пункте всемирной истории» («отныне Богом для человека становится человек»), ловит на слове вождя младогегельянцев, потому как именно того, какой должна быть причина подобных изменений «человеческих существ» Фейербах не знает; сам же он полагает, что преобразить человека способна лишь любовь; кроме того, отделяет от ненавистного ему либерализма, человека не возвышающего, но на самом деле принижающего, собственную «религию человека» в качестве «последней метаморфозы христианской религии» [6, с. 163]. Вообще-то их с Фейербахом объединяло одно и то же стремление покончить с буржуазной ложью: «Сущностью нашего века является притворство во всем, начиная с политики и науки и кончая религией и нравственностью»; как религия не должна сделаться «игрушкой

умозрительного произвола», так и разум не может быть превращен в «игрушку» религиозной фантазии [9, с. 13]. Старая спекулятивная философия религии принесла религию в жертву философии, современное христианское богословие приносит философию в жертву религии (им обоим пришлось схлестнуться в яростной журнальной полемике с учениками Ф. Шлейермахера).

Не забудем, что спустя полвека яростному обличению («проклятие христианству») традиционные нормы религиозной морали подвергнет еще один философ, приближавший «сумерки богов», Ф. Ницше, считавший, что «религия сострадания» сделала некогда сильного человека ни к чему теперь непригодным: «Христианство взяло сторону всех слабых, униженных, неудачников, оно создало идеал из противоречия инстинктов поддержания сильной жизни; оно внесло порчу в самый разум духовно-сильных натур, так как оно научило их чувствовать высшие духовные ценности как греховные, ведущие к заблуждению, как искушения» [10, с. 9]. Почитание таких понятий, как «первородный грех», «благое в себе», «долг» и прочее, приводят к деградации разума, к «жизненной дистрофии», они губельны для нас (это все умозрительные химеры, придуманные Кантом). «Добродетель – это либо наша выдумка, глубоко личная наша потребность и орудие самозащиты, либо же большая опасность. Все, что не обуславливается нашей жизнью, вредит ей» [10, с. 11]. Так каким же теперь должен быть он – современный «творец духовного мира»?

Отбросить все старое, обветшавшее, мешающее развитию духа (человек должен «полюбить себя во плоти, таким, каков он есть»), стесняющее «своекорыстный» личный интерес, – вот, заявляет М. Штирнер, первостепенная задача новых людей; но это только половина дела, необходимо двигаться дальше – освободить «нашу сущность» (термин взят у Фейербаха, но у него этим вполне теологическим понятием обозначена проблема божественного происхождения человека). «Наше молодое самосознание ни перед чем не преклоняется: мир обесславлен, ибо мы – над ним, мы – дух... Наши способности мы проявляем прежде всего в борьбе со стихийными силами» [6, с. 12]. Переиначивая «освобождение» в трактовке Фейербаха (тот говорил, что мы ошиблись в собственной сущности, когда искали ее «в потустороннем», она принадлежит «здешнему бытию»), Штирнер понимает его куда более «антропологически», нежели сам Фейербах: нельзя допустить расчленения нашей сущности на «существенное» и «несущественное» мое «я», их противопоставления друг другу; «мы этим возвращаемся в прежнее грустное состояние: нас выгнали из самих себя» [6, с. 31]. На замену философии прежней должна прийти более эффективная новая.

Называя философию «матерью наук» Л. Фейербах напоминал, что все естествоиспытатели прошлого и современности были и есть прежде всего философами, поскольку «всякое начало философского и эмпирического знания непосредственно совпадают как тождественный акт», «абсолютный философский акт» состоит как раз в том, чтобы беспредметное делать предметным, непостижимое объявлять постижимым, «объект жизненных интересов превращать в мысленный предмет», то есть непосредственно в предмет знания («специального знания, отличного от знания реальных наук»). Следовательно, задача настоящей, не дискредитировавшей себя ни в «идеалистическом» уклонении, ни в «позитивистском» увлечении тотальностью материального, философии состоит в том, чтобы исследовать «объект жизненных интересов», исходя из «тождества с опытом» (научным опытом). Необходимость реформы философии обосновывается этими соображениями. Нет больше времени на споры об отвлеченных понятиях и распри среди философов: «Философия, исходящая из мысли без реальности, совершенно последовательно завершается реальностью, чуждой мысли»; потому новая философия должна начинать со «своей антитезы» (выявления субстанциональной сущности «другого Я», это в первую очередь человек, но им может быть даже сам Бог), иначе начало ее останется навсегда субъективным, будет всегда поглощено действительностью этого гипертрофированного «Я» (в том случае, если речь идет об индивиде) [11, с. 100]. Вот где прообраз «Единственного» и истоки ницшеанского бунта возмнившей о себе «единицы» против сущностного «всеединства» множеств!

Тезис о поступательном развитии философии от идеализма к материализму, укоренившийся было в учебниках и академическом сообществе в советский период (торжества марксизма-ленинизма в науках о мире и человеке), был попыткой выдать желаемое за действительное. На самом деле все обстояло гораздо сложнее, тем более, на исходе XIX столетия, века революционных потрясений, национально-освободительных движений и революционных открытий в естествознании и сильно возросшей значимости психологии (теоретической и прикладной). Г. В. Плеханов («присвоенный» победившими большевиками в качестве «отца-основателя» русского марксизма) в 1890-е годы марксистом в прямом смысле оппонентами не признавался (многих раздражали претензии его «говорить от имени марксизма»): А. Богданов (Малиновский), к примеру, характеризовал философские

взгляды участников его «школы» как «компромиссную комбинацию» буржуазного идеализма, новейшего материализма и радикального «эмпириокритицизма» (который, как мы знаем, страшно ругал Ленин), самого Плеханова он обвинял в оппортунизме (конкретно – в вопросе о кантианской «вещи в себе») [12, с. 234]. Научная истина сделалась, по его мнению, современным «идолом»: «Область общественного труда есть область общественного опыта. Из нее вырастает всякая система познания. Из нее возникло и царство фетишизма» [12, с. 217]. Человек подчиняет своим жизненным целям и задачам саму природу, так возникает научное познание; поскольку он терпит поражение в борьбе и вынужден «преклониться перед властью стихий», постольку познание идет проторенными путями, «только из опыта берет оно и свой материал, и свои формы»; марксизм, революционно преобразовывая научное мышление, создал совершенно новый тип критики – «социально-объяснительной» [12, с. 219]. Жестоко критикуемый им Плеханов в свою очередь ополчается на идеализм своих непосредственных немецких предшественников: «восставшие против гегелевского идеализма» братья Бауэры «свели сущность исторического процесса к переработке „критическим духом“ существующего запаса мнений и обусловленных этим запасом форм общежития» [13, с. 158]. Заблуждающиеся младогегельянцы недалеко ушли от французских просветителей, безнадежных идеалистов, некогда полагавших, что идеи и суждения правят миром. «Вдумайтесь в психологию идеалиста. Для него „мнения“ людей суть основная, последняя причина общественных явлений. Ему кажется, что, по свидетельству истории, осуществлялись в общественных отношениях нередко самые нелепые мнения» [13, с. 226]. Это ли не идеализм!?

Всякий «критически мыслящий» человек, однажды вообразивший себя «демиургом истории», объясняет Плеханов банальную философию «сверхчеловека», настойчиво выделяет себя и себе подобных в особую, высшую касту рода человеческого: «Этой высшей разновидности противостоит чуждая критической мысли масса, способная лишь играть роль глины в творческих руках „критически мыслящих“ личностей, „героям“ противостоит „толпа“»; герой может любить толпу, проявлять сочувствие к ее вековой нужде, сострадать к ее непрерывным страданиям, однако «он не может не смотреть на нее сверху вниз, не может не сознавать, что все дело в нем, в герое, между тем, как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде огромного количества нулей, получающих значение только в том случае, когда во главе их снисходительно становится „критически мыслящая“ единица» [13, с. 158]. Потому эклектический идеализм братьев Бауэр, бывший основой страшного самомнения «критически мыслящей» (леворадикальной) немецкой интеллигенции 1840-х годов, опасен; в настоящее время ужасающее философское учение «через посредство своих российских сторонников» порождает тот же духовный недостаток и в не менее радикально настроенной, привыкшей следовать чужим мнениям российской интеллигенции. Что касается еще более эклектичного и ужасного учения Штирнера, то перед нами, говорит Плеханов, откровенно «эгоистическая» система *par excellence* [14, с. 30]. Действительно, апологетика «самодовлеющей» личности у него даже не утопически-социалистическая система, без особого понимания изложенная языком сделавшейся популярной политической экономии, а «самоубийство идеалистического умозрения» (поскольку вся социальная и политическая критика замешана на субъективном идеализме). Эта весьма характерная для тогдашних философских исканий и, говоря ленинским языком, шатаний фактическая подмена «объекта» «субъектом» происходит потому, объяснял Г. Шпет, что «философский интерес переносится с действительности или на некоторую ее часть, поскольку сам субъект понимается как действительный, или на нечто стоящее вне действительности, но тем не менее ее определяющее» [3, с. 24]. Основная проблема новейшей «отрицательной» философии (в противоположность прежней «положительной» философии) – проблема истины как «бытия в действительном мире» – дискредитирована колоссальным сомнением в возможностях познания; в результате истина из «сознаваемого» переходит в сознание. «Источником фальсификации является подмена Я через общий субъект. А источником теоретического суеверия является внушенная нам в современной философии привычка мыслить субъект, как если бы он был соотносителен объекту» [15, с. 45].

Заключение. «Свое» и «чужое» в аксиомах русского духовного бытия

На русской культурной почве все заимствованные, с симпатией воспринятые, или же, напротив, сделавшиеся моментально предметом пристрастного обсуждения и критики, «чужие» веяния превращались в очередное наваждение русского ума. Позитивизм («научный реализм» как метод не только частного научного, но и общего философского и даже религиозного мышления еще А. Герценом объявленный спасением перспектив человеческого познания) рассматривался чуть ли не «последним пределом» – высшей точкой развития всей современной западноевропейской культуры. Завладевший

наукой, сделавшийся магистральным течением в философии, позитивизм перерос сам себя (не просто новый, но обновляющий принцип философского сознания), переродившись в «бессознательную религию», которая стремится упразднить и заменить собою все существовавшие до того и существующие философские и религиозные системы. Отечественных интеллектуалов подкупало то, что позитивизм по существу своему, действительно, есть «утверждение мира», мира внешнего, узаконенного присутствием «мирового духа», внутреннего мира человека, просветленного, как это выговаривалось ищущими умами, «светом души», открытого чувственному опыту, в качестве единственно реального (отрицание мира сверхчувственного было обратной стороной этого методологического конструкта). Отрицание «конца и начала мира в Боге» не могло не настораживать русских поклонников, ибо русская мысль по определению религиозна; утверждение бесконечного и «безначального продолжения мира» в бесчисленных явлениях (непроницаемой для человека среды «явлений мира сего») сводило на нет преимущество этого философского метода, разумеется, лишенного «последней» метафизической глубины. Симпатизировавший позитивизму Д. Мережковский первым провозгласил «смерть метафизики», решительно и даже с вызовом противопоставив познаваемый мир материи миру образов и символов, тем самым применив все новшества модной западной науки к специфической области искусства и литературной критике. Перерождение социализма в анархизм, отрицающий всякий общественный порядок, мало волновало Мережковского и других русских художников, но мрачные перспективы обещанной и анархистами, и марксистами «власти большинства» – как конечный результат мировой революции – пугали, поскольку ответа на ключевой вопрос («чем народ победит мещанство») ни у кого из новоявленных спасителей человечества не было. Тем более привлекательным становились малопривлекательные и даже отталкивающие заявления Единственного (создания Штирнера). Личный бунт против «нестерпимого гнета мещанства» выглядел вполне по-русски. Подобный анархический вызов устоям общества и самому государству (напомним, Гегель, уважаемый в сообществе русских марксистов, называл его «венцом творения») популярный публицист, марксист по убеждениям и занятым позициям в общественных дискуссиях о понимании общественного идеала, о сущности современного материализма и методах «положительной» науки, В. Базаров (Руднев) считал закономерным проявлением заслуживающего внимания и всяческого уважения «реализма нашего времени» [12, с. 3].

Мы рассмотрели лишь малую часть вопросов, неизбежно возникающих в связи с введением в дискурс (в связи с возвращением русскому читателю) философского наследия М. Штирнера; нельзя сказать, что он обделен вниманием сегодняшних философов и исследователей, в последнее время появилось несколько интересных работ и публикаций [16; 17; 18; 19; 20], однако, говорить о его «воскрешении» (как достойной занять подобающее место в гипертексте культуры декаданта 1890–1900-х годов фигуры философа «конца века» и как предтечи современной субкультуры интеллектуального и радикально-социального бунтарства) пока преждевременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.
2. Брюсов В. Я. Сочинения. М.: Художественная литература, 1987. 575 с.
3. Шпет Г. Г. История как проблема логики. Материалы. М.: Университетская книга, 2014. 510 с.
4. Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. 588 с.
5. Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
6. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с.
7. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
8. Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса. М: Республика, 1992. 527 с.
9. Фейербах Л. Сущность христианства. М.: Юрайт, 2020. 307 с.
10. Ницше Ф. Эссе Номо. Антихрист. СПб.: Азбука, 2013. 222 с.
11. Фейербах Л. Сочинения. М.: Наука, 1995. Т. 1. 502 с.
12. Очерки по философии марксизма. Философский сборник. [репр. изд. 1910 г.]. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 328 с.
13. Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Петроград: 1923. Т. 7. 332 с.
14. Плеханов Г. В. Анархизм и социализм. Краснодар: Буревестник, 1924. 132 с.
15. Шпет Г. Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. 376 с.
16. Певак Е. А. Макс Штирнер и русская культура на рубеже XIX–XX вв. // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 5. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 1998. С. 81–88.

17. Рахманинова М. Д. Кропоткин и Штирнер: современность как точка встречи полюсов анархизма // *Вопросы философии*. 2013, № 4. С. 99-111.
18. Аладышкин И. В. О своеобразии восприятия философии М. Штирнера в России и на Западе // *Acta eruditorum*. 2018. Вып. 26. С. 3-8.
19. Идеи анархизма в европейской и русской истории (в связи с 210-летием со дня рождения М. Штирнера): Материалы круглого стола, прошедшего 17 декабря 2016 года в РХГА // *Acta eruditorum*. 2018. Вып. 26. С. 3-65.
20. Blumenfeld J. All things are nothing to me. The unique philosophy of Max Stirner. Winchester; Washington: Zero Books, 2018. 168 p.

REFERENCES

1. Solovyov V. S. Philosophy of art and literary criticism. Moscow, 1991. 701 p. (In Russ.).
2. Bryusov V. Y. Compositions. Moscow, 1987. 575 p. (In Russ.).
3. Shpet G. G. History as a problem of logic. Materials. Moscow, 2014. 510 p. (In Russ.).
4. Mikhailovsky N. K. Literary criticism and memories. Moscow, 1995. 588 p. (In Russ.).
5. Berdyaev N. A. Philosophy of inequality. Moscow, 2012. 624 p. (In Russ.).
6. Stirner M. The only One and his property. Khar'kov, 1994. 560 p. (In Russ.).
7. Gasparov B. M. Language, memory, image. Linguistics of Linguistic Existence. Moscow, 1996. 352 p. (In Russ.).
8. Strauss D. F. The Life of Jesus. Moscow, 1992. 527 p. (In Russ.).
9. Feuerbach L. The essence of Christianity. Moscow, 2020. 307 p. (In Russ.).
10. Nietzsche F. Ecce Homo. Antichrist. St. Petersburg, 2013. 222 p. (In Russ.).
11. Feyerbach L. Compositions. Moscow, 1995. Vol. 1. 502 p. (In Russ.).
12. Essays on the philosophy of Marxism. Philosophical collection. [repr. ed. 1910]. Moscow, 2011. 328 p. (In Russ.).
13. Plekhanov G. V. Compositions. Moscow; Petrograd, 1923. Vol. 7. 332 p. (In Russ.).
14. Plekhanov G. V. Anarchism and socialism. Krasnodar, 1924. 132 p. (In Russ.).
15. Shpet G. G. Philosophical etudes. Moscow, 1994. 376 p. (In Russ.).
16. Pevak E. A. Max Stirner and Russian culture at the turn of the XIX-XX centuries. In: *Russia and the West: Dialogue of cultures*. Vol. 5. Moscow, 1998. P. 81-88. (In Russ.).
17. Rachmaninova M. D. Kropotkin and Stirner: Modernity as a meeting point of the poles of anarchism. *Voprosy filosofii*. 2013. No 4. P. 99-111. (In Russ.).
18. Aladyshkin I. V. On the peculiarity of the perception of the philosophy of M. Stirner in Russia and in the West. *Acta eruditorum*. 2018. No. 26. P. 3-8. (In Russ.).
19. Ideas of anarchism in European and Russian history (in connection with the 210th anniversary of the birth of M. Stirner): Materials of the round table, which took place on December 17, 2016 in the RHGA. *Acta eruditorum*. 2018. No. 26. P. 3-65. (In Russ.).
20. Blumenfeld J. All things are nothing to me. The unique philosophy of Max Stirner. Winchester; Washington, 2018. 168 p.

"DEMONIC INDIVIDUALISM" OF MAX STIRNER VERSUS POSITIVISM AND MARXISM (RUSSIAN DISCUSSIONS ABOUT THE "END-OF-THE-CENTURY" PHILOSOPHER

**MISYUROV
Nikolay**

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Journalism and Media
Linguistics,
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russian Federation, misyurovnn@omsu.ru*

Keywords:

social ideal
one's Self
anarchic will
positivism
Marxism
decadence
philosophical discourse
hypertext of culture

Summary:

The relevance of one of the "eternal" questions of Russian intellectual life – the creators of which new values have the world "revolving around them" (as was polemically designated by S. Frank) – was determined by the sharpness of the very historical moment: the revolutionary situation (in accordance with its Marxist formulation) was maturing in the depths of a country that was still great, but already struck by "disease". The country whose supreme power, political elites, and intelligentsia could in no way cope with their foreordained tasks. The need for the reassessment of values was understood as commitment to revolutionary radicalism by some, and as a recognition of the "theoretical primacy" of spiritual axioms over "external forms of coexistence" by others. Some opposed the idea of internal self-improvement to "conciliarity", while others absolutized the role of the individual in history, literally "creating idols for themselves". The article addresses the problem of a radical reassessment of human's relationship with the world in the "egoistic" philosophy of Max Stirner, whose ideas served as the basis for the Nietzschean revolt against social foundations, traditional values and Christian morality – social, anarchic rebellion against the foundations of the social order and the state. It is argued that the "religion of man" as a critical rethinking of Feuerbach's ideas turned out to be adequate to the content and form of the new philosophical ("anthropological") paradigm. The paper proves that these ideas, which are very extravagant in form (in their representations of cognitive meanings), but based on fair critical conclusions, found in Russian culture fertile ground and original resonance for a number of reasons (objective and subjective factors of social development on the eve of the first Russian revolution). A logical conclusion is made that in the socio-cultural context of the "end of the century" (amid the general crisis of knowledge, discrediting of "classical rationality", collapse of humanism, and shift in the cultural paradigm) the colorful figure of another "ruler of thoughts" best corresponded to the expectations of the stakeholders (on the "left" and "right", in the center, and on the periphery of the confrontation between the latest ideas and opinions).

УДК УДК (091)130.2

ТЕМАТИЗАЦИЯ «ВНУТРЕННЕЙ РЕАЛЬНОСТИ»: ОТ АВГУСТИНА ДО КЬЕРКЕГОРА

**КАБАНОВА
ЛИЛИЯ
ИВАНОВНА**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
Lila31@yandex.ru*

Ключевые слова:

экзистенция
внутренняя реальность
сознание
самопознание
отчаяние
экзистенциализм

Аннотация:

Автор статьи обращается к теме «внутренней реальности» в ее динамическом развитии в философии Августина, Декарта и Кьеркегора. Обращенность к внутреннему миру как определяющая тенденция в философии на протяжении столетий имеет различные тональности и оттенки – от полного безоговорочного принятия и веры у Августина до тотального сомнения Декарта. Выдвигая на первый план разум, репрезентируя его основным принципом философии и науки, Декарт, безусловно, осуществляет реформу, имеющую глубинный смысл и непреходящее значение для человека и культуры. Его Cogito учит человека активно формировать свое «я», выявляет приоритет мыслящей субстанции над субстанцией телесной. Внутри этого феномена содержится то новое, что отличает человека Декарта от антропологических образов всей предыдущей традиции, а именно – смена целей и приоритетов человека в связи с усиливающейся секуляризацией и становлением новой, научной парадигмы мышления. Явная нехватка «экзистенциальности» в модели Декарта компенсируется лишь в XX столетии с появлением экзистенциализма, однако непосредственным предшественником экзистенциализма является С. Кьеркегор и его страстная песнь отчаянию. В творчестве датского мыслителя продолжается мучительный внутренний диалог с самим собой, который начат был, тем не менее, его великими предшественниками.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 17 апреля 2022 года

Опубликована: 18 апреля 2022 года

ВВЕДЕНИЕ

Философия XX столетия привнесла в опыт нашего сознания неоднозначные темы и терминологию. Однако и темы, и терминология известны со времен античности или Средневековья и лишь в определенном ракурсе «играют» значимым для нас смыслом. Бытие человека в мире как способ и одновременно осмысление этого способа нетривиально. Даже простое несуетное обдумывание данной темы предполагает всегда того, кто обдумывает. Вопрос о бытии человека в мире становится, таким образом, вопросом о «моем» исключительном конкретном бытии и возможен лишь исходя из осознанной субъективности. Для нас более привычно слово «существование», калька с латинского слова *existentia*, сформированного от глагола *ex-sistere*. Среди значений этого глагола есть и такой, как

«рождаться от» или «обнаруживать себя». В средневековом понимании – это способ бытия сотворенной (Богом) вещи. В современной философии латинское слово «экзистенция» используется по отношению к человеческому существованию. Сужение изначального смысла этого термина отражает не только отпадение человека от Бога («Бог умер»), но и отпадение человека от собственной сущности. «Бытие» в бытии сущего – весьма запутанный концепт.

В таком запутанном положении человек преимущественно обнаруживает себя связанным с жизнью. Жизненное пространство воспринимается как реальность и достоверность. Жизнь как тяга всего живого «быть» задает тональность противостояния смерти. Экзистенциально же противостоять смерти – значит страшиться. Экзистенциально удерживается в сознании лишь бедственное положение, трагизм. Так или иначе, лишь напряженный трагизм способен задавать векторы истинной антропологической модели. Любая исторически сложившаяся или складывающаяся антропологическая модель опирается на базовые ценности, которые словно конденсат формируются в недрах культуры. Антропологическая модель – это не просто образ человека, это образ мысли, граница опыта, обеспечением и продуцированием которой обеспокоено сознание эпохи. Внутри этого опыта содержатся все возможные траектории и движения индивида к самому себе в призме его сознательного опыта. Сознание выступает первостепенной реальностью, единственной реальностью человека. Выявление тех феноменов, через которые или в свете которых сознание обнаруживает себя как единственно возможная реальность, происходит на уровне изначальной проблематизации. То есть что-то должно быть выявлено как проблема, прежде чем перейти в статус темы для размышления.

Тема «внутренней реальности» может быть осмыслена как концепт для осознания особенностей антропологической модели эпохи. Интересующая нас тема не нова и разработана в философии. Между тем, обращенность к проблематике «внутренней реальности», или к феномену сознания, в силу своей невероятной актуальности для человеческого существа вновь и вновь заставляет нас увидеть, может быть, не столько ряд сменяющих друг друга философских воззрений, сколько тенденцию. И эта тенденция говорит сама за себя. Обращенность внутрь, к самому ближайшему, что есть у человека, становится насущной задачей уже на протяжении многих столетий. Человеку интересен он сам. Мы обратимся к ключевым идеям трех мыслителей, в творчестве которых отчетливо проявилась тема «внутренней реальности».

ЧЕЛОВЕК АВГУСТИНА

Средневековое сознание, опираясь всецело на теологические принципы, особым образом видит человека. Закладываются основания нового понимания человека уже в патристике как едином учении и особой форме построений христианской культуры. Так, пытаясь описать неопишемое – трансцендентальность Бога и недоступность его тварному сознанию – патристика отстаивает принцип веры как определяющее условие богопознания и самопознания человека. Человек интересен своими внутренними состояниями и переживаниями как осознанием своего несовершенства перед Богом. Человек видится парадоксальным существом, противоречивым, страдающим, сомневающимся, греховным – ввиду тех высоких ожиданий, которые формируются в религиозной антропологии. Классическим примером «парадоксальной онтологии Я» [6: 130] можно назвать философию Аврелия Августина.

В самых первых строчках «Исповеди» он пишет: «человек, который носит с собой повсюду смертность свою, носит с собой свидетельство греха своего <...> я не знаю, откуда я пришел сюда, в эту – сказать ли – мертвую жизнь или живую смерть?» [1]. «Мертвая жизнь», равная «живой смерти» – почему он использует сочетание слов, шокирующих слух не только, видимо, своего читающего современника – а это, напомним, IV век – но и теперь. Понимать его слова – слова человека, находящегося в ситуации осознанной обреченности или «живой смерти» без веры в Бога, забвения Бога, было бы самым легким, традиционным путем прочтения. «Я не знаю, откуда я пришел сюда», – первая часть высказывания заставляет задуматься. И он дальше пишет: «И вот постепенно я стал понимать, где я; хотел объяснить свои желания тем, кто бы их выполнил, и не мог, потому что желания мои были во мне, а окружающие вне меня, и никаким внешним чувством не могли они войти в мою душу. Я барахтался и кричал, выражая немногочисленными знаками, какими мог и насколько мог, нечто подобное моим желаниям, – но знаки эти не выражали моих желаний. И когда меня не слушались, не поняв ли меня, или чтобы не повредить мне, то я сердился» [1]. У средневекового автора все углубленнее становится тематика личного внутреннего переживания как особого экзистенциального опыта. Во внешнем, в жизни не обнаруживается подобный опыт. «Желания мои были во мне, а

окружающие вне меня... и не могли они войти в мою душу <...> Удивительно ли, что меня уносило суетой и я уходил <...> во внешнее?» [1].

Заинтересованность внутренним пространством человека осуществляется им в опыте самоописания, своеобразной топологии пути от заблуждений и метаний к целостности религиозного миропонимания. Оставаясь в рамках догматического учения, Августин, вместе с тем, не лишает, но, напротив, удостоверяет человека в возможности обладания свободой, выбором и волей. В этом, возможно, заключен и парадокс самого Августина, некая контрастность его взглядов, в частности проявляющаяся, с одной стороны, в утверждении непререкаемости веры и, с другой стороны, уникальный опыт присущей ему внутренней свободы. Эклектичность взглядов соизмерима здесь с присущей Августину критической позицией в отношении античной философии как устремленности к знанию, но не по отношению к ценности античных этических идеалов. Как отмечает Аверинцев, в философии Августина «сократический принцип рефлексии теологизируется, но обсуждение чисто теологических вопросов в свою очередь широко включает философскую проблематику» [2: 17].

Под теологизацией сократического принципа рефлексии подразумевается восприимчивость ума к той новой антропологической установке, которая определяется особенностями христианского миропонимания. Но сама проблематика, ее смысловое ядро, остается прежней и коренится в непрекращающемся вопрошании о душе человека, его этосе. Единственно достойной целью ума, что самым искусным образом транслировалось философами античной классики и продолжено средневековыми мыслителями-теологами, было и остается самопознание и то, как, через что оно может осуществиться, через что оно может реализоваться.

«Исповедь» Августина, его философская автобиография, с присущими этому жанру психологизмом и саморефлексией, демонстрирует путешествие автора в тайны собственной души. Желание автора «ухватиться за что-то достоверное» актуализирует проработку опыта сознания. Обращенность к ближайшему, к самому себе, недоумевает Августин, становится для человека испытанием, задачей, которую не всегда удастся решить. Психологизм Августина особенно проявляется в его учении о времени как особом(ых) состоянии души человека, тайных ее безднах. Время относится к тем реалиям, которые издревле определяют смысловое поле человеческой жизни. Августином оно анализируется в качестве феномена души. Измерение времени в душе словно некое собирание рассыпавшегося, рассыпанного в прошлом. В мышлении происходит процесс собирания, т. е. сведения вместе, но вновь парадокс: более всего нуждается в собирании, т. е. в осмыслении, то, что не мыслится, что не хочет собираться. Личный религиозный путь Августина, понятый и транслируемый им как экзистенциальная задача, представляет интерес как пример топологии внутреннего мира, погружение в интимность, которое затем, с немалым накалом, проявит себя уже в творчестве экзистенциальных мыслителей и в первую очередь, Кьеркегора.

Но между Августином и Кьеркегором умещается еще одна антропологическая модель, важная для нашего рассмотрения. Мы обратимся к философии Декарта. Не случайно отмечает Хайдеггер: «Декарт наверняка находился под влиянием размышлений Августина и его возвращения к самому себе, но намерение осознать себя является у них различным» [9: 168].

ЧЕЛОВЕК ДЕКАРТА

Две важнейшие темы: опыт возвращения к самому себе и намерение осознать себя – становится узлом сближения Августина и Декарта, однако топология пути у них сущностно различна: от полного безоговорочного принятия и веры – до тотального сомнения. Сомневаться во всем – таков итог, к которому приходит Декарт при исследовании области представлений человека. Сомнение является исходной точкой его учения: «Когда я склонялся к мысли об иллюзорности всего на свете, было необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал» [3: 108].

Сомнение, которому подвержен Декарт, заставляет его искать истину. Выдвигая на первый план мышление, делая *cogito ergo sum* основным принципом философии и науки, Декарт осуществляет реформу, имеющую глубинный смысл и непреходящее значение для человека и культуры. *Cogito* учит человека активно формировать свое «я», выявляет приоритет мыслящей субстанции над субстанцией телесной. «Картезианское сомнение, – пишет современный автор, – указывает на то, как далеко сдвигается редукционистский раздел в наших поисках так называемого “чистого мыслящего Я”. Картезианское Эго, это “чистое Я”, оказывается совершенно удивительной формой присутствия-в-мире (совпадающей с формой его познания), в сущности, не имеющей какой-либо референции к непосредственному или воображаемому телесному опыту. Наше Я (это картезианское Я) является единственно возможным условием нашего сознательного присутствия в мире» [7: 34-35].

Антропологическая модель Декарта представляет собой сплав таких черт, как субъективность,

индивидуализм, когитальность, под которой здесь можно понимать и рационализм, и склонность к гносеологизации. Но важнейшим, думается, является именно индивидуализм. «Мы ставим субстанциальность Человека Картезия непосредственно рядом с его первичной чертой, индивидуированностью», пишет Хоружий [10: 98-99]. Внутри этого феномена содержится то новое, что отличает Человека Декарта от антропологических образов всей предыдущей традиции, и что нам очень важно удерживать: смена целей и приоритетов в связи с усиливающейся секуляризацией и становлением новой научной парадигмы мышления. Началом этой тенденции, впрочем, является Ренессанс. Между тем, улавливается в этой тенденции определенная проблематичность для самого Декарта, двойственность, что, собственно, закреплено в его учении о двух субстанциях. Философский дуализм – явление парадоксальное. Скажем, развитие данной темы в античной философии, в учении о душе и теле, способствовало формированию достаточно отрефлексированного образа человека этического. Античная модель человека является моделью целостного человека, в которой душа – это идея всех поступков человека. Поэтому души людей, по представлению античных философов, столь разнокачественны. Не было в античной культуре столь значимого для нас противопоставления «внешнего» и «внутреннего» в человеке; внутренние качества человека имели значение, только если они были реализованы через поступки, материально явлены в мире. Душа оказывается особой идеей, резко отличающейся от других идей тем, что она реализует не только принцип единства мира, но и принцип обособленности человека как частного феномена в этом мире.

Антропологическая модель Декарта не столь оптимистична. Человек актуально выступает у Декарта как «рассеченное, или же точнее, как усеченное, как “познающий субъект”» [10: 102], что деформирует полноту и целостность человека в плане его всесторонних проявлений. Обращая внимание на то, что именно секуляризованность выступает логическим основанием всех характерных черт Человека Картезия, мы можем воскликнуть, что да, именно секуляризация, став важнейшим рубежом в европейской истории и культуре, предопределила весь дальнейший ход вещей относительно самого человека, его бытие в мире. Но Бог «необходим» Декарту. Он выступает для него гарантом истинности результатов познания, как позднее у Канта – гарантом безусловности нравственного закона. Своеобразный тип религиозности, обеспечивающий законность философских, познавательных и нравственных составляющих мышления субъекта. Как отмечает Хайдеггер, «Позиция Декарта берет свое начало в потребности человека, который отказался от того, чтобы получать определение своего Dasein из веры, от авторитета Библии и церковных учителей, который, напротив, всецело основывается на самом себе» [9: 169].

Здесь мы вправе вернуться к нашему замечанию об «антиантропологической» направленности антропологии Декарта, понимая, что все вышесказанное может служить достаточным основанием для подобного суждения. Антиантропологичность, видимо, как раз и кроется в некой половинчатости человека в представлениях Декарта, в изъятии фактора телесности со всем набором естественных телесных состояний. Они не берутся в расчет, на них не делается ставка, а следовательно, разоблачаются вместе со всеми так называемыми страстями души. И человек в таком «половинчатом» варианте не выглядит целостным и цельным. «Индивид» или «субъект» становится обозначением этого странного образования, состоящего из амбициозного разума и плохо отрефлексированной телесности.

Пренебрежение телом, имеющим уже свою определенную сакральную средневековую традицию, в сопряжении с установкой на секулярность порождает тот неминуемый ницшеанский протест и вызов, который служит основанием слома как самой классической антропологической модели, так и классического типа рациональности. Сознание, схваченное сознанием, прорывается к самому себе не как данность, но как феномен, требующий грандиозного усилия от человека в деле понимания себя самого как феномена.

Критика картезианства, выполненная впоследствии Гуссерлем и Хайдеггером, а еще ранее Дильтеем, окажется не критикой его отточенной и ясной философской позиции, но критикой тех научных методов и власти естественной установки, закладываемой ими, внутри которых теряются бытийные основания человеческого существа. Идеи Декарта имели важное значение для психологии, а именно для объяснительной психологии. Как отмечает Дильтей, «Возникновение этого конструктивного направления в психологии исторически связано с конструктивным духом великого естествознания XVII века: Декарт и его школа, так же как и Спиноза и Лейбниц, конструировали соотношения между телесными и душевными процессами, исходя из гипотез и принимая за предпосылку полную прозрачность этого отношения» [4]. Из того же конструктивного направления ума исходил и материализм. Декарт искренне полагает, что в науке все определяется тем, чтобы нам стать господами и владельцами природы. Основной чертой науки Нового времени, ее метода, является установление

предметности в качестве собственной темы. Природа устанавливается как предмет, следовательно, истина здесь – не открытость непосредственно присутствующего; истина обозначена как то, что для представляющего «Я» ясно, очевидно, достоверно и несомненно. И метод сомнения Декарта – это не что иное, как оправдание этой несомненности. Поиск бытийных оснований человеческого существа с опорой на естественнонаучный метод или, к слову сказать, с опорой на выросшую на его основе любую биологистскую, детерминистскую и (или) психологическую установку, невозможен. Доказательством тому служит сама философия Декарта, которая, начиная очень скромно с сомнения, претендует на понимание истины, но не берется калькулировать человека как нераздельное целое, состоящее из телесного и духовного начала. Что делать с этим человеком телесным она не знает, оставляя его наедине со своими усеченными рациональными амбициями и страстями. Человек выглядит тем же исчисляющим и исчисляемым субъектом, погруженным в каузальную последовательность и причинность. Психология классического периода не видит человека, она его просчитывает, равнодушно внимая правилу научного метода.

ЧЕЛОВЕК КЬЕРКЕГОРА

Видимая нехватка экзистенциальности в модели Декарта компенсируется лишь в XX столетии с появлением экзистенциализма. Непосредственным предшественником экзистенциализма является С. Кьеркегор, продолжающий внутренний диалог с самим собой, который начат был его великими предшественниками.

Что такое Я сам? В чем проявляется моя самость? Как быть самим собой, не потерять себя? Эти кьеркегоровские вопросы звучат более чем современно. Текст Кьеркегора «Болезнь к смерти» – пример комплиментарности между психологической аналитикой сознания и традиционными теологическими сюжетами. Повторяя слова Послания к коринфянам: «пусть каждый исследует себя», Кьеркегор напоминает, что это слова самого Христа, и необходимо, в особенности для нас, христиан, «без передышки», говорит Кьеркегор, напоминать себе о них, повторять их, твердить их себе вновь и вновь каждому в отдельности, ибо повсюду, где о них умалчивают, «повсюду, где христианское изложение не проникнуто их сознанием, христианство есть просто богохульство» [5]. Исследование самого себя есть акт личностный, индивидуальный. Только через веру, полагает Кьеркегор, возможной оказывается индивидуальность, признание себя личностью. Этого же хочет от человека и Бог. Индивид – единственно существующая реальность, и сам Бог, как пишет Кьеркегор, есть Судья, поскольку он не обращает внимания на толпу и знает только индивидов. Именно отсюда исходит христианство – из догмата греха, а стало быть, и индивида.

В особом «предстоянии» перед Богом, а, следовательно, и в ином отношении к самому себе, заключено для Кьеркегора различие между античной мыслью о человеке и христианской. «Неведение» Сократа было в своем роде боязнью и культом Бога, пишет Кьеркегор, именно из уважения к божеству Сократ оставался незнающим, стремясь тем самым подчеркнуть различие между Богом и человеком. «В благодарность» божество признало в нем самого мудрого человека. Мудрость Сократа заключается в признании своей участи, в принятии ее. Дурные поступки способен совершить тот, кто не понял, не поднялся интеллектуально до истины, которая заключена в идее добра и блага. Высшее благо и добродетель сводятся здесь к познанию блага: «Благо, опознанное человеком, понятое им, является не только достаточным основанием благого поведения, но его необходимою причиной» [8: 26]. Между тем, греческая интеллектуальность, как заметит Кьеркегор, «была слишком счастливой, слишком наивной, слишком эстетической, слишком ироничной, слишком насмешливой, слишком греховной, чтобы суметь понять, что некто со всем своим знанием, сознавая правое, может совершать неправое» [5]. Иначе говоря, для того, чтобы заявить, что некто, осознав правое, творит неправое, эллинизму не хватало мужества, он избегал этого, говоря: когда некто творит неправое, он не понял правого. Недостатком сократизма, полагает он, является отсутствие диалектической категории, позволяющей переход от понимания к действию.

В опыте формирования новой антропологической модели особенно значимым является личный опыт Кьеркегора. Перед нами тот случай, когда биография вплетается в философский текст, формируя его настроение. В принципе, можно говорить о важности биографического топоса в любом экзистенциальном тексте. Тот же самый феномен, просвечивание личного сквозь пафос религиозного теоретизирования, психологизация высказывания, доминирует и в творчестве Августина. Данное обстоятельство, без сомнения, сближает эти две фигуры, обнаруживает себя также некая общность в поднимаемых вопросах, фоном непременно выступает некое трансцендентное переживание, религиозное преимущество. В подобном творчестве собственная жизнь становится главным материалом мысли: в частности, для Кьеркегора – это не отпускающий его сознание образ невесты

Регины Ольсен и отца Михаэля Кьеркегора. Интровертированность Кьеркегора с постоянной потребностью в духовном эксгибиционизме стала причиной отмены помолвки Кьеркегора и Регины накануне свадьбы. Величайший современный философ, основатель экзистенциализма воссоздал модель жизнотворчества, впоследствии он посвятит Регине все, что было им написано, она никогда не покидала его внутренний мир.

Хоружий немного иронично использует в применении к философии Кьеркегора сленговое слово «драйв» [10: 223]. Возможно, именно внутренний драйв, некоторая внутренняя необъятность, объясняет страстное желание быть самим собой, обнаружить себя. Но парадоксальность данного усилия приводит к обнаружению в себе *отчаяния*, и не просто отчаяния, а множественные его модификации. Самая низшая форма отчаяния – отчаяние, когда не желают быть собою; отчаяние в самом себе; отчаяние от невозможности быть самим собой; отчаяние от невозможности избавиться от самого себя; отчаяние-слабость (женское отчаяние); отчаяние, когда желают быть собой (отчаяние-вызов, мужское отчаяние); ложное отчаяние; наносное отчаяние; отчаяние во временном или во временных вещах; отчаяние относительно вечного в себе самом (истинная формула всякого отчаяния). Никто не свободен от отчаяния, нет никого, в ком глубоко внутри не пребывало бы беспокойство, тревога, дисгармония, страх перед чем-то неизвестным или перед чем-то, о чем он даже не осмеливается узнать, – страх перед чем-то внешним или же страх перед самим собой, говорит Кьеркегор. Все эти чувства свидетельствуют о наличии отчаяния, а по мере «вызревания», становления или «взросления» сознания более интенсивным становится и отчаяние: «Сознание вырастает, и его развитие отмечает собою все более растущую напряженность отчаяния; чем более вырастает сознание, тем более напряженно отчаяние. Отчаяние само по себе – уже негативность, а неосознавание этого отчаяния – еще одна негативность. Но дорога истины пролегает через все это» [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Августин, Декарт и Кьеркегор. Что общего между этими мыслителями? Да, пожалуй, что ничего, учитывая их ментальные воззрения и особенно эпохальные разрывы жизни и творчества. Между тем, все трое имеют определяющее сходство в опыте обнаружения своего внутреннего мира. Не вдаваясь в различие подходов, религиозного, рационального и экзистенциального, описаний и методов, там, где они имеются, и прочих особенностей, обусловленных мировоззренческими, философскими, да и просто личными различиями, можно увидеть особенности антропологической модели, создаваемой ими, в которой, на наш взгляд, есть определяющая тенденция к феноменологическому описанию своих внутренних (сознательных) актов, то есть такое усилие, сознательно продуцируемое, внутри которого распадаются многочисленные психологические переживания, но уже не на языке психики, а на языке сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин, Аврелий (2013) *Исповедь* // Санкт-Петербург : Наука. 372 с. <http://www.philosophy.ru/library/catalog.html>
2. Аверинцев, С. С. (2006) *Собрание сочинений / С. Аверинцев. София – Логос. Словарь.* – Киев : ДУХ І ЛІТЕРА. 912 с.
3. Декарт, Р. (2011) *Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках* // Москва : Академический Проект. С. 89-132.
4. Дильтей, В. (1996) *Описательная психология* // URL: <http://psylib.org.ua/books/dilte01/> (дата обращения: 15.01.2017)
5. Кьеркегор, С. *Болезнь к смерти* // URL: <http://www.studmed.ru/docs/document22669/content> (дата обращения: 10.01.2017)
6. Неретина, С. С. (1995) *Верующий разум. К истории средневековой философии / С. С. Неретина – Архангельск, С. 100-135.*
7. Подорога, В. (1995) *Феноменология тела: Введение в философскую антропологию: Материалы лекционных курсов 1992-1994 годов / В. Подорога – Москва : Ad Marginem. 339с.*
8. Трубецкой, С. Н. (2009) *Учение о Логосе в его истории / С. Н. Трубецкой – Санкт-Петербург : Университетская книга. С. 19–46.*
9. Хайдеггер, М. (2012) *Цолликоновские семинары* // Вильнюс : ЕГУ. 406 с.
10. Хоружий, С. С. (2010) *Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии / С. С. Хоружий – Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 688 с.*

REFERENCES

- Augustine, Aurelius (2013) Confessions // St. Petersburg : Nauka. 372 с.
<http://www.philosophy.ru/library/catalog.html>
- Averintsev, S. S. (2006) Collected Works / S. Averintsev. Sofia - Logos. Dictionary. - Kyiv : Spirit I LITEPA. 912 с.
- Descartes, R. (2011) Discourse on the method to correctly guide our minds and find truth in the sciences // Moscow : Academic Project. С. 89-132.
- Dilthey, W. (1996) Descriptive psychology // URL: <http://psylib.org.ua/books/dilte01/> (accessed 15.01.2017)
- Kierkegaard, S. Disease to Death // URL: <http://www.studmed.ru/docs/document22669/content> (accessed 10.01.2017)
- Neretina, S. S. (1995) The believing mind. To the history of medieval philosophy / C. S. Neretina - Arkhangelsk, S. 100-135.
- Podoroga, V. (1995) Phenomenology of the Body: Introduction to Philosophical Anthropology: Proceedings of Lecture Courses 1992-1994 / V. Podoroga - Moscow : Ad Marginem. 339с.
- Trubetskoy, S. N. (2009) Doctrine of the Logos in its History / S. N. Trubetskoy - Saint Petersburg : University Book. С. 19-46.
- Heidegger, M. (2012) Zollikon Seminars // Vilnius : EHU. 406 с.
- Horužij, S. S. (2010) Diogenes' Lantern. A Critical Retrospective of European Anthropology / S. S. Horužij - Moscow : Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas. 688 с.

THEMATIZATION OF 'INTERNAL REALITY': FROM AUGUSTINE TO KIERKEGAARD

**KABANOVA
LILIA**

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of philosophy and cultural
studies,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, Lila31@yandex.ru*

Keywords:

existence
"internal reality"
consciousness
self-knowledge
despair
existentialism

Summary:

The article addresses existential issues in the philosophy of Augustine, Descartes and Kierkegaard, which can be interpreted in a broader manner as a problem of "inner reality" of an individual. One of the main goals of this work is to identify not the specifics of successive philosophical ideas, but the defining trend in philosophy for many centuries. So, turning to the nearest thing - the inner world in Augustine's philosophy with all its contradictions - becomes a challenging task, which is not always possible to solve. Two major topics are covered: the experience of return to oneself and the intention to realize oneself as a kind of joint "convergence" between Augustine and Descartes, although the topology of their paths is completely different - from the unconditional acceptance and faith of Augustine to the total doubt of Descartes. Bringing human mind to the fore and representing it as a basic principle of philosophy and science, Descartes is, without a doubt, implementing a reform that has a deep meaning and enduring value for individuals and cultures. His "Cogito" teaches people to actively shape their "selves", identifies the priority of thinking above the substance of the body. This phenomenon contains something new, that distinguishes the man of Descartes from the anthropological images of the entire previous tradition, namely the change in goals and priorities in view of the growing secularization and the emergence of a new scientific paradigm of thinking. The apparent lack of "existentiality" in Descartes' model would only be balanced in the twentieth century with the emergence of existentialism, immediately preceded by Kierkegaard with his passionate song of despair. The works of this Danish thinker continued the painful "internal dialogue" with oneself developed by his great predecessors.

УДК 81.161.1 +81:39

ПОРОГ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

**ДЬЯЧКОВА
ИРИНА
НИКОЛАЕВНА**

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
gyla4@yandex.ru*

**ШИРИНОВА
АРИНА
АРТЁМОВНА**

*студентка 3 курса Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
arinashirnova1@gmail.com*

**ТИМАНОВСКАЯ
ИРИНА
АЛЕКСЕЕВНА**

*студентка 3 курса Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
Ohiko2016@mail.com*

Ключевые слова:

традиционная культура
языковая картина мира
этимология
порог
дом
семантико-мотивационная модель
семантико-мотивационная
интерпретация

Аннотация:

В статье рассматривается значение порога в традиционной русской культуре на основе языковых данных. Анализ употребления лексемы порог в литературном языке и русской диалектной речи позволяет выделить несколько мотивационных моделей, источником которых являются архаичные мифопоэтические представления о пороге как части дома. Наиболее отчетливо и разнообразно в значении данного слова репрезентируется понимание его как границы пространства-времени. Вместе с тем порог может использоваться в качестве одной из метонимических номинаций дома и олицетворять собой всех живущих в нем. Уподобление порога дому получает развитие и в некоторых языковых метафорах: к их числу, в частности, относится употребление данной лексемы для наименования донного рельефа, а также факты, демонстрирующие отождествление дома и человека.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 17 апреля 2022 года

Опубликована: 18 апреля 2022 года

Введение

Пространство дома относится к числу базовых и, по всей видимости, наиболее значимых концептов традиционной народной культуры. В русской национальной картине мира восприятие дома и того, что находится за его пределами, тесно связано с противопоставлениями своего и чужого, близкого и далекого, безопасного и опасного. «Пространство дома близко человеку, т. к. человек через него входит в существующий мир, это пространство хорошо освоено и осмыслено, это фрагмент наиболее

освоенного „своего“ мира» [9].

В языке как одной из форм национальной культуры также находит отражение это восприятие. Нельзя не признать, что, «несмотря на забвение древнеславянской мифологии и современное представление о доме как о небоскребах мегаполиса с комфортабельными квартирами, символ „дом“ присутствует в языке и цементирует его образность» [22: 92]. Репрезентации концепта «дом» в русском языке посвящены исследования В. В. Колесова [6], А. К. Байбурина [1], Ю. С. Степанова [15], Н. А. Криничной [7, 8], И. В. Якушевич [21, 22], языковое представление отдельных частей дома рассматривается в работах Е. Л. Березович [2] и ряда других лингвистов.

Будучи моделью микрокосмоса, пространство дома структурировано схожим образом: оно имеет свой центр и периферию, обладает собственными границами, посредством которых происходит связь с миром внешним, причем не только реальным, но и сакральным – миром мертвых. К числу таких объектов в традиционном русском доме относится *порог*, в котором образ мистической границы, одновременно и закрывающей, и открывающей вход в жилое пространство, актуализируется наиболее ярко.

Настоящее исследование посвящено анализу культурно-семантических коннотаций лексемы *порог* в русском языке. Основными источниками для изучения послужили словари современного русского литературного языка, диалектологические словари, исследования по этнографии, фольклору и культурологии. Отдельное внимание уделяется символике *порога* в традиционной культуре и лингвокультуре Русского Севера.

Лексема *порог* в русском языке: семантико-мотивационная интерпретация

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой даются следующие значения лексемы *порог* [14]:

1. Брус на полу под дверью (обычно деревянный). *Землемер первый шагнул через порог, низко согнувшись под притолокой.* Куприн, Болото. || Дверной проем, вход. *[Митя] вошел в комнату и, увидев меня, остановился у порога.* Тургенев, Однодворец Овсяников. || *перен.* (обычно в сочетании со словами: «родной», «отчий» и т. п.). Дом, очаг, семья. *Высокое счастье — увидев звезды, вернуться к родному порогу, обнять отца с матерью, посидеть с земляками.* Песков, Шаги по росе.

2. *перен.;* чего. Преддверие, начало чего-л., рубеж. *Теряя сознание, уже на пороге смерти, я тяжело застонал.* В. Белаяев, Старая крепость.

3. Каменистое поперечное возвышение dna реки, нарушающее плавность ее течения. *Шум, глубокий и почти музыкальный, предупредил нас о близости порогов ---. Впереди показались черные, обнажившиеся из-под воды камни, между которыми вода бьется, пенится, бурлит и бушует.* Короленко, В пустынных местах.

4. *Спец.* Наименьшая величина, степень проявления чего-л. *Порог раздражения. Порог слышимости.*

Уже опираясь на представленные данные, можно определить несколько значений мифологического содержания у слова *порог*, закрепленных в русском литературном языке: 1) порог – граница; 2) порог – дом / родной очаг / семья; 3) порог – часть географического пространства (большого «дома»).

Ниже рассмотрим подробнее каждую из этих семантико-мотивационных моделей и ее языковую реализацию.

Так, наиболее ярко по языковым данным проявляется архетипическое представление о *пороге* как границе между мирами. В частности, сама этимология слова в славянских языках содержит недвусмысленное указание на этот факт. *Порог* является древним словом, восходящим к индоевропейской эпохе. Эта лексема есть во всех славянских языках и восходит к общеславянскому слову **porti* (в значении «разрезать, раздирать, бить» (а значит, и проводить границу. – Прим. авт.), ср. современное слово *пороть*) [18, т. 3: 329]. Семантика границы / предела отражается и в значении 'наименьшая величина, степень проявления чего-л.', которая проецируется в данном случае на «пространство» возможностей кого-либо или чего-либо (*болевого порога, порога чувствительности, порога достоверности* и подобные). Так, в оценке человеческих способностей данное значение реализуется, когда мы говорим: *Это мой порог. Мне его не преодолеть* (о невозможности выполнить какую-либо задачу).

Мифологическое представление о границе дома, разделяющей пространство мироздания на «свое» (домашнее) и «чужое», и, соответственно, людей на «своих» и «чужих», ярко отражается в русской фразеологии. См., например, выражения *не пускать на порог* 'не принимать кого-либо у себя, в своем доме', *обивать / обходить пороги* 'часто, постоянно ходить к кому-н. с просьбами,

ходатайствами', *выставить за порог* 'выгнать', *держат кого-либо на пороге* 'отказывать в приеме, не пускать в дом' [3], где образ не столько пространственной, сколько уже социальной дистанции-границы подчеркивается посредством упоминания анализируемой лексики. И тот, и другой фразеологизм определяют место для «нежеланных» людей, людей не «своего круга»: они допускаются только на *порог* или остаются за ним. Обратим внимание, что доброжелательное отношение к «чужим», гостеприимство в русской речевой культуре тоже раскрывается в представлении о положении человека относительно порога, выражается в таких этикетных формулах, как *Не стойте у порога, проходите; Что ты топчешься у порога, как будто тебя не пускают* и подобные. Посредством лексики *порог* в русском языке выражается также жесткий запрет покидать дом, где *порог* снова выступает в роли символа, репрезентирующего границу жилища, – *за порог ни ногой*.

Образ границы может реализоваться в русском языке при упоминании порога и в том случае, когда речь идет о времени. См., например, культурологический комментарий к выражению *на пороге* в «Фразеологическом словаре» под редакцией В. Н. Телия:

Порог является границей дома, отделяющей то пространство, которое «здесь», от того, которое «там». Нахождение на границе означает максимально возможное приближение к чему-л. В образе фразеологизма находит отражение универсальная метафора, уподобляющая пространственные и временные отношения: временная близость метафорически отождествляется с пространственной близостью (ср. *на носу, за плечами*). В образе фразеологизма метафорически переосмысленная оппозиция «своего» и «чужого» пространств, разделённых **порогом** дома, переносится на временные отношения [3].

Собранный диалектный материал отражает, за исключением временного значения, схожую картину языковой реализации семантической модели «порог – граница». См. в «Словаре русских народных говоров» [13]: **Быть позадь порога** 'быть дома, оставаться дома' *Ты через порог, я за порог, а позадь порога кто будет!* (т. е. дома) Даль; **Стоять в пороге** 'стоять у порога' *Што ж ты стоишь в пороге? Проходи, садись на лавку* Пск., Дон., 1929; **Не знать чьего-л порога** 'прекратить знакомство с кем-л.' *Прошу вперед нашего порога не знать*. Ворон., 1892; **Стоять над порогами**. 'ходить по миру, нищенствовать' Даль; **Стать порогом поперек кого-л.** 'стать препятствием, помешать при сватовстве невесты' *Не порогом мы поперек вас стали есть лучше нас (говорят настойчивой свахе)*. Даль (СРНГ 30: 65).

В русле обсуждаемой проблемы особого внимания заслуживает семантическая мотивация диалектного выражения **наступить на порог** 'требовать, принуждать' *Девушка его не хочет, а он на порог наступает, аж на пятки*, зафиксированного в донских говорах (СРНГ 30: 65). Во внутренней форме этого фразеологизма мы наблюдаем отождествление дома и человека, в данном случае через образ порога воплощается мысль о нарушении границ внутреннего пространства личности, грубом психологическом вторжении на чужую территорию.

Образ места у порога / на пороге, который мы анализировали выше на материале литературного языка, также находит отражение в диалектных устойчивых выражениях. В этом отношении интересен фразеологический оборот **под порогом** 'без присмотра' *С какой хозяйкой сойдусь — она около своих детей, а мои под порогом*. Кемер., 1964 (СРНГ 30: 65), в семантике которого отражается народная оценка положения *около порога* как периферийного и, следовательно, униженного и, тем более, не соответствующего для «своих». Ср. с литературным контекстом, также ярко выражающим это понимание: *Почему ты не позволил мне поставить его на место? Он не имел права нас останавливать. И уж тем более не дело **держат нас на пороге, как каких-то холопов!*** (М. Николаева. Наследство золотых лисиц, 2018)¹.

Образ порога, связанный с восприятием его как границы дома, «восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира, олицетворяющей различные грани перехода между „своим“ и „чужим“ пространством», в котором *порог* является одним из «ключевых мест, от которых зависит безопасность человека» [10, т. 2: 341]. Данное обстоятельство объясняет, почему *порог* в традиционной русской культуре осмысливается как место, которое требует особого отношения. В речи это реализуется в целом перечне запретов, многие из которых продолжают функционировать в повседневной жизни: *Я привезла вам ваши деньги. Вчера забыла отдать. – Вздернув нос, протянула я сотку. – Кто же **деньги через порог возвращает?** Так не годится! – Главный редактор шустро схватил меня за руку и силой втянул меня в квартиру.* (Т. Сахарова. Добрая фея с острыми зубками. 2005). Запрет передавать что-либо через *порог*, представленный в данном примере, в некоторых источниках получает дополнительное обоснование. В частности, он связывается со славянским языческим обычаем закапывать прах человека под *порогом* дома, чтобы он охранял его от невзгод и неприятелей. А

передавать что-либо через *порог* было нельзя, потому что считалось, что мертвец может забрать это себе [19]. По-видимому, первичный смысл получил дальнейшее развитие в запрете осуществлять через *порог* любое взаимодействие. См. по этому поводу в словаре В. И. Даля: *Через порог не здороваются. Через порог руки не подают. Купцы на пороге в лавке не стоят (покупателей отгонишь). Через порог ничего не принимать — будет ссора* [17].

Список примет и запретов, связанных с восприятием *порога* как сакральной зоны, находится в пределах которой или вести себя неподобающим образом может быть опасно, дополняет обращение к диалектному материалу. Так, анализируя обрядовый фольклор Русского Севера, запреты, связанные с *порогом*, отмечает известный этнограф П. С. Ефименко: *ступать на порог ногой нельзя — станешь распутной (о женщине); вёхоть оставлять в помоях или собирать вёхтем в избе около дверного порога сор (мусор) в подол платья — родятся дети своробливыя, т. е. хилые, болезненные; холостой мужчина, если сядет на порогъ, то не женится, потому предупреждают севшаго на пороге словами: «не садись на порогъ невесты уедуть;» съ девицей же будетъ то, что у ней женихи уедуть, если она сядетъ на порогъ* [5]. Добавим, что связь указанных запретов со свадебным культурным кодом продолжает жить в русской традиции и сегодня и проявляется в обычае переносить невесту через *порог* дома во время свадьбы.

В качестве заключения отметим, что как граница между «своим» и «потусторонним» миром *порог* также считался подходящим местом для осуществления магических действий в народной медицине: там произносили заговоры, изготавливали целебные предметы, производили обрядовые манипуляции. Приведем пример одной из таких заговорных практик, записанной на территории Карелии в 1929 году: *Если болит спина, то рубят на пороге голик на поясице у больной. Больная идет к бабке, та кладет ее на порог, вниз животом, берет голик, кладет его на поясицу и рубит голик топором. Больная должна спросить у лечащей: Что рубишь, раба Божья (имя)? А она отвечает: — Рублю-перерубаю уем, вырубая-перерубаю. Так проделывают на трех порогах, а потом голик бросают на дорогу (д. Шуя, Прион. р-н)* [20]. Судя по диалогу, происходящему между лечащей и больной, можно предположить, что обряд этот проводился именно на *пороге* неслучайно: *порог*, «перерубающий» пространство дома и «не-дома», боль в поясице, «перерубающая» человека поперек позвоночника, ворожея, рубящая голик, — это символическая связка, представляющая единую смысловую цепь, где каждое звено изоморфно другому. Соблюдение всех этих условий, тем более с трехкратным повторением, по всей видимости, должно было сообщить обряду особую силу.

В некоторых комментариях, представленных выше, мы уже упоминали о возможности обозначения через образ *порога* дома в целом (см., например, фразеологизмы *не пускать на порог*, т. е. 'не пускать в дом', *обивать пороги* — 'ходить по чужим домам', *ни ногою за порог* — 'не выходить из дома'). Существование данной мотивационной модели вполне предсказуемо и проявляется в языке системно. И. В. Якушевич, рассуждая об этом, отмечает, что выразителями символа дом в языке может выступать «как само слово *дом*, так и другие номинации, в чью семантическую структуру входят значения 'здание, жилище'. Это однокоренные слова (*домик, домишко, домашний, домище, по-домашнему, надомный, бездомный* и др.), родо-видовые номинации (*изба, комната, дворец, шалаш, хижина, сарай* и др.), метонимические номинации, в том числе и детали (*окно, подпол, дверь, крыша, печь, порог* (выделено нами. — Прим. авт.) и др.)» [22: 93]. Метонимическое представление дома в образе *порога* проявляет себя во многих пословицах и поговорках: *Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет. Девичий стыд до порога, а переступила, так и забыла. Добрая слава до порога, а худая за порог. Высоки пороги на мои ноги* ('нет входа в дом'). Словосочетания *свой / родной порог, чужой порог* характеризуются в языке той же семантикой.

Важно отметить, что связью с домом опосредованы и другие семантико-мотивационные модели, отмеченные нами у анализируемого слова. Так, лексема *дом* метонимически может быть использована в русском языке для обозначения родного очага / семьи, в связи с чем те же функции по аналогии приобретает и номинация *порог*. См. уже приведенный ранее пример: *Высокое счастье — увидев звезды, вернуться к родному порогу, обнять отца с матерью, посидеть с земляками*. (В. Песков. Шаги по росе) [14].

Образ дома мотивирует в русском языке и метафорический перенос данного наименования на обозначения реалий географического пространства. В данном случае имеется в виду функционирование лексемы *порог* в значении 'каменистое поперечное возвышение дна реки, нарушающее плавность ее течения', и неизвестное литературному языку обозначение *порога* 'трещина во льду (реки, озера), края которой то сходятся, то расходятся' *Когда замерзают полыньи, рвет порогу Порога существует кругом озера на 2-7 верст от берега Волхов и Ильмень, о Быльная порога Трещина во льду, каждый год*

появляющаяся в одном и том же месте Пек., 1912-1914 (СРНГ, 30: 66).

Семантико-мотивационная модель, представленная в данных употреблениях, имеет большое количество аналогий в русской национальной картине мира. Подробно они рассматриваются в работах О. А. Теуш, которая на основе севернорусского диалектного материала показывает, что «образ двора и дома» в традиционном крестьянском сознании «наложен на все географическое пространство» [16: 247]. Помимо *порога*, схожим образом используются для обозначения природного ландшафта на Русском Севере лексемы *окно* 'небольшое пространство чистой воды в болоте' (Арх.: Вель., В.-Т., Леш., Мез., Пин., с. -Дв., Шенк.; Влг.: В.-Важ., К.-Г., Хар.; Костр.: Кологр., Чухл., Пыщуг.); *ворота* 'узкий морской пролив, где бывает сильное течение'; 'клинья леса, с двух сторон вдающиеся в болото' (Арх.: Мез.); 'узкое глубокое место в реке между отмелями' (Арх.: Вин.); *стена* 'отдельный массив леса по краю болота' (Арх.: Мез., Пин.), *шолныша* 'узкий сухой участок на болоте' (Арх.: Холм.); *шóмуша* 'рукав поля, болота' (Арх.: Вин., Шенк.); *очаг* 'круглая яма' (Влг.: Ник.), 'яма в реке, омут' (Яр.: Некр.); *колодец* 'небольшое пространство («окно») чистой воды в болоте' (Арх.: Вель., В.-Т., Леш., Мез., Пин., с. -Дв., Шенк.; Влг.: В.-Важ., К.-Г., Хар.; Костр.: Кологр., Чухл., Пыщуг.) [16: 247-248].

К обозначенным в работе исследовательницы примерам можно добавить факты употребления лексемы *печь / печка* в севернорусских говорах, номинирующей такие объекты, как 'подводная скала': *Еще бывает печь, это щелья, вроде печи, высокая, с обрывом, а кругом место глубокое, короче сказать, скалы это под водой* Медв. (СРГК, 4: 502); 'самое мелкое место озерной мели'. *Луды – мелкие места на озере, рыбачат у нас и лудах. Самое мелкое место луды – печка.* Медв. (СРГК, 4: 499); 'нагромождение камней на дне озера' (мн.) Пск.; 'сторону проруби, куда сгребается лед' (сами скопления этого льда). *Печка – лед срубленный, выкидывается на сторону; где изволока и поддача, там большие печки.* Калинин., Новг. (СРНГ, 27: 7).

Приведенные примеры, как и переносные значения самой лексемы *порог*, убеждают в том, что «метафорическое видение пространства, отраженное в географической терминологии Русского Севера, многосторонне отражает все элементы крестьянского быта, мир, ориентированный на собственное хозяйство, замкнутый на доме и человеке, живущем в нем» [16: 252].

Добавим, что перечень параллелей в развитии семантики слов *дом – порог* был бы не полным, если не остановить внимание на ее реализации в номинациях тела человека, его физического состояния. Метафора дома в языковой характеристике человека тоже является языковой универсалией, в частности в русском языке она отражается во внутренней форме таких выражений, как *крыша поехала, крыша протекает, съехала башня, он открылся / закрылся, сердце на замке* и подобных. Использование в этой функции слова *порог* неизвестно литературному языку, однако на возможность аналогичного смыслового переноса указывают диалектные факты. См., например, употребление лексемы *порог* в псковских говорах для обозначения нижней губы человека: *У-ту! У тебя язык сплошь на пороге (говорят ребенку, высовывающему язык)* Пск. (СРНГ, 30: 66). В связи с последним примером думается, что вряд ли случайно в одном из заговоров от зубной боли, записанных в начале XX века на Каргополье, предлагалось сделать следующее: «Если болят верхние зубы, нужно на них положить щепку с верхнего *порога*, т. е. с верхней балки дверного косяка, а если нижние – с нижнего» [20]. Языковой образ преобразуется здесь в обрядовое действие, и в обоих случаях мы наблюдаем отождествление рта человека с входом / дверью, а его верхней и нижней части с *порогом*.

Несколько иначе отражается взаимодействие образов *порога* и *человека* в народных загадках: *Маленький мальчик всем под ноги смотрит. Маленький мальчик (Захарчик) всем под ноги заглядчик.* В данном случае пороговый брус представляется ребенком, лежащим на полу и подсматривающим под подол всем проходящим.

Через образ *порога* может представляться в народном сознании и внутренний мир человека («душевный дом»). В частности, отражение подобного взгляда фиксируется в диалектном фразеологизме *наступить на порог*, который мы уже рассматривали выше.

Выводы

Анализ употребления лексемы *порог* в литературном языке и русской диалектной речи позволил нам выделить несколько мотивационных моделей, источником которых являются архаичные мифопоэтические представления о *пороге* как части дома. Наиболее отчетливо и разнообразно в значении данного слова репрезентируется понимание его как границы пространства-времени. Вместе с тем *порог* может использоваться в качестве одной из метонимических номинаций дома и олицетворять собой всех живущих в нем. Уподобление *порога* дому получает развитие и в некоторых метафорах: к их числу относится употребление данной лексемы для наименования донного рельефа, а также языковые

факты, демонстрирующие отождествление дома и человека.

*Исследование выполнено в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017–2021 гг.

Сокращения

¹Примеры из современной художественной литературы приводятся из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

Список литературы

- Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. - Ленинград: Наука : Ленингр. отд-ние, 1983. - 191 с.
- Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. - Москва : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2014. - 487 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка / [авт.-сост.: И. С. Брилева и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. - Москва : АСТ-Пресс, 2009. - 781 с.
- Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. - Петрозаводск: Изд-во КарНЦ, 2011. - 453 с.
- Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1 : Описание внешнего и внутреннего быта. - М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. - VII, 221 с. - (Изв. Импер. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXX. Труды этнографического отдела. Кн. V, вып. I).
- Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов; ЛГУ им. А. А. Жданова. - Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. - 311 с.
- Криничная Н. А. Дом: его облик и душа : (К вопр. о тождестве символов в мифол. прозе и нар. изобразит. искусстве) / Н. А. Криничная. - Петрозаводск : КНЦ РАН, 1992. - 29 с.
- Криничная Н. А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по северно-русским материалам) // Этнографическое обозрение. - 2009. - № 2. - С. 28-42 [Электронный ресурс]. - URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2009/Krinichnaya_%202009_2.pdf (20.08.2021).
- Лантух Н. А. Дом как сакральный центр и сакральная граница в русской национальной картине мира // Культура народов Причерноморья. - 2000. - № 13. - С. 129-135 [Электронный ресурс]. - URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/94691/35-Lantukh.pdf?sequence=1> (20.08.2021).
- Мифы народов мира : Энциклопедия : В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. - 2. изд., Репр. изд. - Москва : Большая Российская энциклопедия, 2003. - Т. 2. - 671 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики ; Под общ. ред. Н.И. Толстого. - Москва: Междунар. отношения, 1995-2014.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1-6. - Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994-2004.
- Словарь русских народных говоров. Т. 1-45. - Москва; Ленинград, Санкт-Петербург, 1965-2013
- Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А. П. Евгеньева]. - Изд. 3-е, стер. - Москва : Русский язык, 1985-1988.
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. - Москва : Академический проект, 2001. - 989 с.
- Теуш О. А. Образ русского крестьянского дома в географическом пространстве // Традиционные общества: неизвестное и прошлое. Материалы XV Международной научно-практической конференции / Под ред. П. Б. Уварова. - Челябинск : Изд-во Южно-Уральского гос. гуманитарно-пед. ун-та, 2018. - С. 247-255.
- Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х тт. / В. И. Даль. - Москва: Цитадель, 1998.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. - Москва: Прогресс, 1987.
- Энциклопедия обрядов и обычаев. / Брудная Л. И., Гуревич З. М., Дмитриева О. Л./ [Электронный ресурс] — URL: https://www.booksite.ru/localtxt/enc/ikl/ore/diya/enciklopedya_obryad/19.htm, (дата обращения: 20.08.2021).
- Этнография и фольклор Архангельской и Олонецкой губерний [сайт]. - URL:

<http://ethnomap.karelia.ru>

• Якушевич И. В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. – Владимир: Транзит-ИКС, 2018. – 182 с.

• Якушевич И. В. Языковая реализация символа «дом» в диалектных названиях частей тела человека и деталей русской избы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018.- № 7 (130). – С. 92-99.

References

1. Baiburin A. K. Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs / A. K. Baiburin. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie, 1983. 191 p.

2. Berezovich E. L. Russian vocabulary on a common Slavic background: semantic and motivational reconstruction. Moscow : Dmitry Pozharsky University, 2014. 487 p.

3. The Big phraseological dictionary of the Russian language / [auth.- comp.: I. S. Brileva et al.]; ed. by V. N. Telia. Moscow : AST-Press, 2009. 781 p.

4. Durov I. M. Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic application. Petrozavodsk: KarNTs Publishing House, 2011. 453 p.

5. Efimenko P. S. Materials on the ethnography of the Russian population of the Arkhangelsk province. Part 1: Description of external and internal life. M.: F. B. Miller Type, 1877. VII, 221 p – (Izv. Imp. o. of lovers of natural science, anthropology and ethnography. Vol. XXX. Proceedings of the ethnographic department. Book V, issue I).

6. Kolesov V. V. The world of man in the word of Ancient Russia / V. V. Kolesov; LSU named after A. A. Zhdanov. Leningrad: LSU Publishing House, 1986. 311 p.

7. Krinichnaya N. A. The house: its appearance and soul : (To vopr. on the identity of symbols in mythol. prose and nar. it will depict. art) / N. A. Krinichnaya. Petrozavodsk : KSC RAS, 1992. 29 p.

8. Krinichnaya N. A. Krasny ugol: on the origins and semantics of the sacred locus (according to Northern Russian materials). Ethnographic Review. 2009. No. 2. P. 28-42 [Electronic resource]. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2009/Krinichnaya_%202009_2.pdf (20.08.2021).

9. Lantukh N. A. Dom as a sacred center and a sacred border in the Russian national picture of the world. Culture of the peoples of the Black Sea region. 2000. No. 13. P. 129-135 [Electronic resource]. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/94691/35-Lantukh.pdf?sequence=1> (20.08.2021).

10. Myths of the peoples of the world : Encyclopedia : In 2 volumes / Chief editor S. A. Tokarev. - 2. ed., Repr. ed. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 2003. Vol. 2. 671 p.

11. Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary: In 5 volumes / Russian Academy of Sciences. Institute of Slavic Studies and Balkanistics; Under the general ed. of N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunar. Russian Russian dialects, 1995-2014.

12. Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions. Vol. 1-6. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. university, 1994-2004.

13. Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 1-45. Moscow; Leningrad, St. Petersburg, 1965-2013

14. Dictionary of the Russian language [Text]: in 4 volumes / Academy of Sciences of the USSR, In-t rus. yaz.; [ch. ed. A. P. Evgeniev]. 3rd Ed., ster. Moscow : Russian Language, 1985-1988.

15. Stepanov Yu. S. Constants: dictionary of Russian culture. Moscow: Academic Project, 2001. 989 p.

16. Teush O. A. The image of the Russian peasant house in the geographical space. Traditional societies: the unknown and the past. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference / Edited by P. B. Uvarov. Chelyabinsk: Publishing house of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. un-ta, 2018. P. 247-255.

17. Explanatory dictionary of the living Great Russian language : in 4 volumes / V. I. Dal. Moscow: Citadel, 1998.

18. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes-Moscow: Progress, 1987.

19. Encyclopedia of rituals and customs. / Brudnaya L. I., Gurevich Z. M., Dmitrieva O. L./ [Electronic resource] URL: https://www.booksite.ru/localtxt/enc/ikl/ope/diya/enciklopedya_obryad/19.htm, (accessed: 20.08.2021).

20. Ethnography and folklore of the Arkhangelsk and Olonets provinces [website]. URL: <http://ethnomap.karelia.ru>

21. Yakushevich I. V. The symbol "house" in the Russian language and poetic text. Vladimir: Transit-X,

2018. 182 p.

22. Yakushevich I. V. Linguistic realization of the symbol "house" in dialect names of human body parts and details of the Russian hut. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018. № 7 (130). P. 92-99.

POROG IN RUSSIAN CULTURAL AND LINGUISTIC TRADITION

DYACHKOVA
Irina

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Russian Language
Department,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, gyla4@yandex.ru*

SHIRINOVA
ARINA

*Student,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation,
arinashirinoval@gmail.com*

TIMANOVSKAYA
IRINA

*Student,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, Ohiko2016@mail.com*

Keywords:

traditional culture
linguistic worldview
etymology
threshold
house
semantic motivational model
semantic motivational interpretation

Summary:

The article addresses the role of the lexeme “porog” (threshold) in traditional Russian culture on the basis of linguistic data. The analysis of its use in the literary Russian language and dialect reveals several motivational models originating from the archaic mythopoetic ideas about a threshold as part of a house. The understanding of this word as the boundary between space and time is most clearly and diversely represented in its meaning. At the same time, the word “porog” (threshold) can be used as one of the metonymic names of the house and personify everyone living in it. Equating a threshold with a whole house is also developed in some linguistic metaphors, including the use of this lexeme for naming the bottom relief of water bodies and the facts demonstrating the identification of a house and a human.

УДК 821.161.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКОГО НАЧАЛА В РОМАНАХ П. ХЁГА «СМИЛЛА И ЕЕ ЧУВСТВО СНЕГА» И Э. А. СУНДА «СЛАБОСТЬ ВИКТОРИИ БЕРГМАН»

**ШАРАПЕНКОВА
НАТАЛЬЯ
ГЕННАДЬЕВНА**

*доктор филологических наук,
заведующий кафедрой германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
natshar@mail.ru*

**САФРОН
ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА**

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
00inane@gmail.com*

Ключевые слова:

скандинавский детектив
П. Хёг
Э. А. Сунд
природа женских образов
маскулинность
феминность

Аннотация:

В статье анализируется природа главных женских образов и ее трансформация в современном скандинавском детективе на примере романов П. Хёга «Смилла и ее чувство снега» и Э. А. Сунда «Слабость Виктории Бергман». Авторы статьи выявляют в героинях черты маскулинности, искажения женского начала, за которыми прослеживаются назревшие национальные, этнические, гендерные противоречия в скандинавском обществе. В этом состоит безусловная актуальность исследования. В статье выявлено, что героини обоих романов, расследующие страшные преступления, проявляют бесстрашие, логику, незаурядный ум, взламывают стереотипы женского поведения, т. е. ведут себя так, как вели себя персонажи женского пола скандинавских мифов. Появление такого поведения героинь обусловлено в том числе и тяжелым травмирующим опытом детства, и утратой национальных и этнических корней. На фоне женских персонажей, мужчины не просто отходят на второй план, а утрачивают свою гендерную роль и начинают выполнять женские функции (становятся домохозяйками, стирают, готовят, организуют быт). В работе применены сравнительно-типологический метод, метод мотивного анализа текста, психоаналитический метод, использован инструментарий культурологии. Авторы статьи приходят к заключению, что современный скандинавский детектив заслуживает обстоятельного научного исследования как со стороны его формы, жанра и повествовательных стратегий, так и всей системы

Получена: 17 апреля 2022 года

Опубликована: 18 апреля 2022 года

Введение

Детектив в Скандинавских странах – во многом уникальное явление. В последние десятилетия данный жанр переживает взлет: сами произведения известны и популярны далеко за пределами Скандинавского полуострова, они вбирают в себя не только ядро детективного жанра (преступление и его раскрытие), но и отражают современные социальные, политические, нравственные проблемы, существующие в этих одних из самых благополучных с точки зрения комфорта и безопасности странах. Популярность самого жанра, его межвидовая разновидность стала предметом исследования в современной гуманитарной науке (филологии, культурологии, социологии и др.). Так, к примеру, в коллективном сборнике «Поэтика зарубежного классического детектива» [7], в работах Д. В. Кобленковой [2], Ю. Е. Козиной [3], И. Шпака [9] подвергаются рассмотрению важнейшие аспекты генезиса, проблематики и поэтики современного жанра детектива. Анализируя природу женских образов в скандинавском детективе, исследователи подчеркивают назревающие *гендерные* противоречия в обществе. Как нельзя лучше к главным героиням П. Хёга и Э. А. Сунда подходит обобщающее мнение исследовательницы Ю. Е. Козиной о природе сыщика: «Амбивалентные личности, нервные, порой асоциальные, с заметной „достоевщиной“ – именно таковы самые запоминающиеся герои северных триллеров» [3: 256]. Среди зарубежных работ, посвященных данной теме, интерес для нашего исследования представляют публикации Ш. Патчей [15], Дж. Гаммельгаард [14], А. Ван Хеес [11].

В современном детективе мы наблюдаем сочетание описаний размеренной и спокойной жизни скандинавов, с одной стороны, и свершившееся страшное преступление – с другой, раскрытие которого ведет к обнажению иных социальных и национальных, семейных и личностных нарушений. Скандинавский детектив – это скрещивание двух жанров. Первый жанр – это классический английский детектив, для которого характерны ограниченное пространство, определенный круг подозреваемых и конкретный убийца, и самой важной частью фабулы в нем является само расследование. Второй – американский нуар («черный», крутой детектив), главным героем которого, в свою очередь, является герой, нарушающий стереотипы поведения, имеющий зависимости и тяжелый опыт детства, конкретный убийца в нем наличествует, но виновно в преступлениях всегда само общество, которое «подталкивает» человека на преступления.

Первопричины преступления в скандинавском нуаре, в котором соединились особенности жанра английского классического детектива и американского нуара, всегда намного глубже, чем личностная история одного человека. В современном скандинавском детективе на первый план выступает личность героя (героини), у которого (-ой) есть нерешенные проблемы: конфликты с окружающими, депрессия, неуверенность в себе, разного рода зависимости. Традиционный герой современного скандинавского детектива – «меланхоличный, депрессивный, на грани нервного срыва или психического расстройства, склонный к самоубийству или трудоголик, полностью погруженный в работу из-за семейных проблем или неудач в личной жизни» [3: 256]. Данная характеристика применима и к женским образам скандинавского детектива, которые предстают сильными, агрессивными, не зависящими от мужчин. Подобная тенденция не обходит стороной даже детскую литературу (образ Пеппи Длинный чулок тому подтверждение).

Роман П. Хёга «Смилла и ее чувство снега»: особенности повествования и природа главного женского образа

Для выявления трансформации женского начала в современном скандинавском детективе мы обратились к двум популярным романам – датского писателя Питера Хёга «Смилла и ее чувство снега» и шведского писателя Эрика Аксла Сунда «Слабость Виктории Бергман».

Питер Хёг (род. в 1957 году) – один из наиболее признанных на мировой литературной арене современных датских писателей. П. Хёг вернул датскую литературу в мировое литературное пространство (вновь после Г.-Х. Андерсена), сейчас его книги выходят огромными тиражами и в Скандинавии, и далеко за ее пределами.

Роман «Смилла и ее чувство снега» вышел в свет в 1992 году и более чем за два десятилетия был переведен на тридцать языков. На русский язык перевод был осуществлен Е. В. Красновой, а сам роман

в России вышел в 1998 году. Сегодня это самый известный и популярный роман П. Хёга. Идея детективного романа пришла к писателю во сне: «Я видел следы белого медведя. Их было так много, что они заполнили всю гору. Я знал, что это в Гренландии. В тот момент, когда я вспомнил этот сон, я уже знал, что это начало новой книги» [4].

Повествование в романе ведется от первого лица, от героини Смиллы Ясперсен, при этом (акцентируем) автор – мужчина. Вот как сам Питер Хёг прояснил этот прием: «Для меня возможность изображать женщин в тех книгах, где повествование ведется от первого лица, это также и возможность находить в себе самом эти женские способности и играть с ними» [4].

Жанр произведения синтетичен: помимо собственно криминального расследования, можно выделить черты постколониального романа, романа-триллера, скандинавского нуара, элементы техники «потока сознания». В связи с этим приведем наблюдение Ю. Е. Козиной, которая справедливо полагает, что «главной характеристикой скандинавского нуара является его синкретичность – совмещение элементов высоких и низких жанровых особенностей, определяющих причины всплеска популярности детективного романа» [3: 255].

П. Хёг является представителем датского минимализма [6], главными чертами которого является любовь к деталям, точное определение и описание событий и предметов, которые являются важными и непременно влияют на всю мотивную структуру произведения, в том числе, на главные мотивы – мотив одиночества и точности, снега и льда. Полноценное исследование самой структуры этого необычного повествования еще впереди. Нас в рамках данной статьи волнует природа главного женского образа романа.

Композиционно роман строится на фрагментах описания внешней действительности, пропущенной через сознание героини, и ее погружения в свои воспоминания, сновидения, размышления. Расследование преступления, на первый взгляд, представляющего вполне рядовой несчастный случай, в романе вырастает в глубокий анализ национальных (этнических, постколониальных) и социальных проблем Дании, попыткой героини погрузиться внутрь себя и обрести национальную, этническую и гендерную самоидентификацию. Все эти грани произведения и найдут под пером Питера Хёга соответствующую форму романа, получившую наименование «*минималистский роман*», который строится на соединении «внешне не связанных между собой „мгновенных зарисовок“, „клипов“, связь между которыми должен придумать, увидеть или обнаружить читатель и соединить их в одну сюжетную линию» [6].

Смилла, главная героиня романа, инуитка по матери и датчанка по отцу, после смерти матери живет в Копенгагене. После бесконечных снежных просторов Гренландии и особых форм общения и поведения, присущих островной жизни, Смилла, оказавшись в столице Датского королевства, ощущает на себе социальные, гендерные и этнические «путы». Смилла с трудом и внутренним противостоянием «входит» в какие бы то ни было стандарты, предустановленные датским обществом, не соотносит себя ни с каким социальным статусом.

Героиня берется за собственное расследование смерти дорогого ей соседского мальчика Исайи. Материнское начало у Смиллы подавлено, искажено, корни этого искажения уходят в детские воспоминания. «Когда моя мать одним движением вскрыла брюшную полость, чтобы вынуть внутренности, на лед выскользнул ангельски белый, абсолютно созревший детеныш длиной в полтора метра. Пожалуй, часа четыре охотники стояли в почти полном молчании, глядя на полуденное солнце, которое в это время года делает день нескончаемым, и ели *mattak* – китовую шкуру. Я ничего не могла взять в рот» [10: 41-42].

Ощущение родства и теплоту материнского чувства (взамен внутреннего холода) Смилла начинает ощущать к соседскому мальчику, который, как и она сама, одинок, и который не нужен даже собственной матери-алкоголичке. Близость к Исайе возникает на фоне их этнического родства: отец ребенка, как и она сама, жил в Гренландии. Данное обстоятельство станет ключевым в расследовании. Именно там, на своей малой родине, героиню ждет разгадка трагедии, произошедшей с ребенком.

С женским образом Смиллы Ясперсен тесным образом связаны три мотива: мотив снега и льда (которые она, гляциолог по профессии и *настоящая дочь* Гренландии, читает как таинственные письма и как средство, помогающее ей проникнуть в суть преступления), мотив точности и мотив одиночества. Смилла одинока, но не страдает от этого, и это то, что связывает ее с шестилетним Исайей: «Я замечаю две особенности, которые объединяют нас с ним. Я вижу, что он одинок. Как изгнанник, который всегда будет одинок. И я вижу, что он не боится одиночества» [10: 20]. Для нее, рожденной независимой матерью, одиночество – «свет милости Божьей» [10: 17]. Одиночество тесным образом переплетается с тишиной, которую по-особому воспринимает героиня: «Тишина обычно

является моим [Смиллы] союзником» [10: 141].

В Смилле Ясперсен противоборствуют, соседствуют, перетекают одни в другие как маскулинные, так и феминные черты. Приведем в этой связи наблюдения исследовательницы творчества П. Хёга Д. Гаммельгаарт, отмечавшей, что все это «кажется, предрасполагает ее [Смиллу] к форме всемогущества, которая является одновременно глубоко захватывающей и пугающей» [14].

Внешне наделенная приятными характерными для жителей Гренландии чертами, внутренне Смилла может быть уподоблена и мужчине: она смела, мужественна, изобретательна, ничто и никто не может свернуть ее с выбранного пути, в своих поисках преступника она стремится дойти до конца. Героиня соперничает в силе и решительности с героями-мужчинами (к примеру, с моряком Яккельсенем), бросается в воду с горящего корабля, побеждает мужчин в споре и способна логически предугадать многие последующие события.

Предельно точно и используя яркую образную метафору характеризует Смиллу ее сосед-механик: «...когда я был маленьким, у меня был такой заводной танк на гусеницах. Если перед ним ставили какой-либо предмет, он мог карабкаться вверх по нему, потому что у него была низкая передача. Если предмет нависал над ним, то он, поворачивая, двигался вдоль него и находил другой способ перебраться на другую сторону. Его нельзя было остановить. Ты – такая машина, Смилла» [10: 488].

Идеальным воплощением сильной (маскулинной) личности представлена мать Смиллы, инуитка, которая, согласно установленным гендерным нормам на острове, охотилась (добывала пропитание) наравне с мужчинами. Вместе с тем мать Смиллы сумела сохранить и интуитивно-природные, присущие женской природе и поведению черты: «...смеялась, рожала детей, сплетничала о своих друзьях и обрабатывала шкуры – как женщина. Но она стреляла, управляла каяком и тащила мясо домой – как мужчина» [10: 40]. Воспоминания о матери постоянно присутствуют в ментальном поле Смиллы, их отличает детализация, подробнейшее воспроизведение привычек матери, ее внешнего облика и той атмосферы прикровенности, защиты и оберега, которая создавалась вокруг нее. В противовес сильной, самостоятельной и природно-интуитивной матери в сознании героини представлен образ отца. Мужчина, который должен олицетворять опору в глазах девочки (дочери), в романе, напротив, несмотря на достижения и деловые качества Морица Ясперсена, ставшего известным врачом, в глазах Смиллы низвергается: он предается безделью – игре в гольф, окружен ненужной роскошью и живет с «кривлякой» женой, мачехой Смиллы. Для главной героини – все это приметы преуспевающего датского общества, они ничего не стоят, это не показатели силы и ума мужчины. Интереснейшим в этой связи представляется психоаналитический подход к истолкованию фигуры Смиллы. Так, Джуди Гаммельгаарт в своей статье «A psychoanalytic reading of Peter Hoeg's novel miss Smilla's feeling for snow» пишет: «В нескольких моментах в романе мы встречаем примеры, где маленький мальчик становится фаллическим средством идентификации для Смиллы, и мы видим, что поездка из Копенгагена в Гренландию может также быть прочитана как возвращение в прежнее психологическое ощущение, назад к возможности, которая по какой-либо причине не могла быть реализована для Смиллы в ее более раннем психосексуальном развитии: возможность интеграции фаллического как часть ее женской сущности» [14].

Феноменальные способности Смиллы в математике (точной науке) проявляются в ее умении «считывать» информацию со снежной и ледяной поверхности, предугадывать хитросплетения не только отдельного человека, но и целой организации и всего правительства. Героиня сама признается в своей любви к точности: «Я не совершенна. Мне больше нравится снег и лед, чем любовь. Мне легче интересоваться математикой, чем любить своих ближних» [10: 55].

Тайно попав на корабль, следующий в воды Гренландии, Смилла не только приближается к истокам (первопричинам) преступления, но и возвращается в свое прошлое. Неслучайно сам корабль носит имя древнегреческого бога «Кроноса» (Χρόνος от χρόνος – время). Вернувшись к начальному времени, к детству, в свое этническое пространство, героиня должна обрести себя подлинную. Исследовательница Ш. Патчей полагает, что эта поездка была необходима героине для ее возрождения [15. 29-30]. В этом путешествии на свою малую родину происходит глубочайшая духовная, ментальная метаморфоза героини.

Смилла Ясперсен – представительница двух разных культур и этносов. В своем романе Питер Хёг воссоздал запутанную интригующую детективную фабульную линию и изобразил самобытную, яркую и далеко неоднозначную фигуру женщины-сыщика. Смилла Ясперсен как своим умом и неординарными способностями, так и решительностью, свойственной, скорее, мужчине, органично вписывается во всю палитру женских образов скандинавского детектива-нуара. В ходе исследования было установлено, что главная героиня – не просто женщина-бунтарь, не желающая встраиваться в устоявшиеся датские

общественные нормы, но, имея детские психологические травмы, она не может встроиться и в систему ценностей современного мира.

Маскулинность и феминность женских персонажей детективной трилогии Э. А. Сунда «Слабость Виктории Бергман»

Детективная трилогия «Слабость Виктории Бергман» – это литературный дебют Эркера Эрикссона и Хокана Аксландера Сундквиста, работающих под псевдонимом Эрик Аксл Сунд. Трилогия состоит из романов: «Девочка-ворона» (2010), «Голодное пламя» (2011), «Подсказки пифии» (2012)

Жанетт Чильберг – одна из главных героинь трилогии – комиссар уголовной полиции, не совершившая «ни единой должностной ошибки» [8: 91]. Она ведет дело о серии убийств безымянных мальчиков-иммигрантов. Ее портрет описан скупо и подан таким образом, чтобы у читателя сложилось ощущение, что героиня сознательно отрицает свою женскую природу: примерно сорок лет, практически не пользуется макияжем: может лишь иногда подвести глаза тушью и подкрасить губы: «Если прищуриться, то она смотрится вполне неплохо. А если присмотреться, то видны пятна возрастной пигментации, сосудистая сетка и целлюлит. Жанетт искала слова, чтобы описать свое тело. Оно выглядело бывшим в употреблении» [8: 137].

Ее супруг Оке – безработный художник, домохозяйка, по сути дела, выполняющий в семье роль жены: «Первую половину дня ему предстояло посвятить стирке недельной порции пропотевших футболок, перепачканных песком носков и грязного нижнего белья» [8: 13]. В противовес супругу в образе Жанетт маскулинные черты доминируют над феминными: она содержит семью, но в приоритет ставит работу: «Жанетт сознавала, что уделяет мертвым мальчикам больше внимания, чем собственному живому сыну» [8: 288], играет в женской футбольной команде «лучше многих игроков-мужчин, а в роли атакующего полузащитника и вовсе изобретательнее их всех. Пробивала открывающиеся подачи, видела пространство, как никто» [8: 27].

За жесткое поведение коллеги за глаза называют ее Жаном. Она – полицейский в третьем поколении: после отца и деда. Несмотря на то, что отец отговаривал ее, девушка настойчиво шла к цели: «Первым препятствием для поступления в Полицейскую академию стало слабое зрение в левом глазу. На операцию ушли все ее сбережения, и, кроме того, она в течение полугода почти ежедневно работала сверхурочно <...> Вторая проблема возникла, когда ей сообщили, что она слишком маленького роста. Решением стало обращение к хиропрактику, который двадцать недель «колдовал» над ее спиной и сумел-таки увеличить длину тела на недостающие два сантиметра» [8: 66-67].

Не дотягивая до уровня супруги, Оке уходит к любовнице, которая организует ему выставки и продает картины. Развод становится ударом для их сына Юхана: мальчик полностью замыкается в себе, и только к финалу третьей книги Жанетт находит с ним общий язык. Отдушиной для женщины становится роман с психотерапевтом Софией Цеттерлунд. Но и в любви она остается полицейским: привлекает подругу к работе над психологическим портретом разыскиваемого преступника.

Жанетт – классический персонаж полицейского детектива: страдает вредными привычками (постоянно курит и пьет черный кофе, практически каждый вечер употребляет крепкие напитки), асоциальностью (ее круг общения составляют только коллеги по работе, сын и муж, чуть позже – возлюбленная), трудоголик, ставящий работу на приоритетное место, даже по сравнению с собственной семьей. Женщина обладает инверсионной феминностью [1: 59] – как уже было сказано выше, мужские черты в ее характере преобладают над женскими.

София Цеттерлунд – это второй главный персонаж трилогии. Она успешный психотерапевт с большим опытом, ведущий частную практику. Виктория Бергман – клиентка Софии. Зачастую даже дома она включает диктофон и слушает записанные сеансы, в которых Виктория рассказывает о травмах детства: отец применял к ней физическое, психологическое и сексуальное насилие. С детства София проявляет жестокость по отношению к животным и людям слабее ее, страдает навязчивыми идеями (обсессивно-компульсивное расстройство). Так, следствием травм становятся наклонности к самоистязанию: она режет себе руки, в юности терпела боль при любой возможности, считая, что заслужила ее, а во взрослом возрасте специально носит чересчур узкие туфли.

В ее характере также прослеживаются черты диссоциативного расстройства (синдром множественной личности): прорабатывая незаживающие раны Виктории, София «отключается» от реальности на много часов. Кроме того, повествование в книгах ведется таким образом, что читателю кажется, будто именно Виктория стоит за убийствами сначала безымянных мальчиков-иммигрантов, а позже и других персонажей. К концу первой книги становится ясно, что София и Виктория – это один и тот же человек; Виктория «создала» Софию для того, чтобы отделить себя от жизни с отцом: «Она знала, что была больна и что требовалось собрать воедино все воспоминания. Несколько лет она вела

диалог с самой собой, записывала собственные монологи, а потом анализировала их. Именно за этой работой она познакомилась с Викторией и наконец смирилась с мыслью о том, что отныне они всегда будут вместе» [8: 38].

Пытаясь защититься от травматических воспоминаний, детская психика Софии (на тот момент еще Викторией) расщепилась еще на несколько личностей, в числе которых Гао Лянь (мальчик, который якобы помогал Софии в убийствах других детей), Солес Эм Нат (девочка, которая «приходила на помощь» маленькой Викторией в моменты сексуального насилия от отца, а позже и выносившая ее ребенка), Трудяга, Аналитик и Зануда, Рептилия (существо, созданное подсознанием Викторией, которое отвечала за сон и приемы пищи, а позже родившее Мадлен), Лунатик, Девочка-ворона (персонаж, который выходил наружу в моменты крайней ярости, немедленная реакция на травмы и ответственный за «убийства», большую часть из которых Викторией на самом деле не совершала).

В момент, когда она начинает осознавать свое собственное «я», София совершает поступок, уподобляющий ее героиням-разрушительницам скандинавских героических мифов: она проникает в имение родителей, пока те находятся в бане, подпирает дверь бани доской и поджигает здание.

К концу третьей книги, когда Викторией, собрав свою личность по частям, вновь становится Викторией, отказавшись от имени Софии, ей не принадлежавшего, она прощается со всей своей прошлой жизнью: в один момент заканчивает практику, выбрасывает в окно машины связку ключей от квартиры и кабинета, пишет Жанетт короткое «прости» и выкидывает телефон. «Я тоже буду скучать по тебе, думала она. <...> Если это настоящая любовь, я вернусь» [8: 459]. Финал их отношений открыт: история заканчивается как раз на моменте, когда Жанетт замечает сообщение.

Еще одна героиня трилогии, отрицающая свою женскую природу, – еврейка украинского происхождения Гила Беркович, скрывающаяся под именем Вигго Дюрера и возглавляет благотворительный фонд «Sihtunum I Diaspora», истинная деятельность которого заключалась в продаже детей, а также в производстве и обмене материалами порнографического содержания с участием собственных детей.

Свое новое имя, как и личность, она получила в Дахау: «Все началось во время оккупации, в день, когда она предала свою семью. Она выдала немцам происхождение отца и братьев, и они отправились к еврейскому кладбищу возле Бабьего Яра, со всем своим скарбом, погруженным на тачку. На написание доноса ее толкнула зависть» [8: 450] к братьям, поскольку те дразнили ее за то, что она была незаконнорожденной. Далее она стрижется, надевает пальто убитого датчанина и «становится» Вигго Дюрером: «В своем сознании Гила Беркович была и мужчиной, и женщиной или ни тем, ни другим, но действовать как мужчина было практичнее – из-за предпочтений общества» [8: 452]. Она принимает мужские половые гормоны, и находит женщину, готовую играть роль жены – Генриетту.

Именно Гила Беркович оказывается убийцей мальчиков, с рассказа о которых начинается повествование трилогии. Кроме того, в образе Вигго она участвует в растлении маленьких девочек вместе с остальными участниками фонда. Ведя адвокатскую практику, она помогает своим друзьям с наклонностями педофилов избежать наказания за их преступления. Эта героиня также обладает деформированной фемининностью [5: 437] – через ее образ авторы вновь демонстрируют влияние детских травм на взрослую жизнь: ужасы войны и послевоенного времени оставили глубокий след на ее психике, а детское желание быть сильнее переросло в извращенное отторжение себя собой в пользу мужской субличности.

Заключение

Исходя из проведенного анализа, мы пришли к выводам: скандинавский нуар – это соединение расследования как части фабулы (как в классическом детективе), так и, во-первых, обнаружение виновности общества в совершенном преступлении (как в нуаре) и, во-вторых, попытка заглянуть внутрь и выявить трансформацию женской природы (утрату материнского инстинкта, преобладание мужского и т. д.), вызванного разными обстоятельствами, как-то: утрата родного этноса или травмирующий детский опыт.

Особое внимание П. Хёг обращает внимание на проблемы миграции, отношение государства к мигрантам и раскрывает бюрократическую сторону государственной системы Дании. Эта проблема не обходит стороной и творчество Э. А. Сунда: смерть мальчиков-иммигрантов, приехавших в Швецию без документов, никого, кроме полиции, не интересует.

Авторы демонстрируют новую для современной постмодернистской литературы тенденцию – изображаемый ими мир имеет ярко выраженные феминистические черты: женщина вытесняет мужчину из всех привычных ему сфер жизни, даже из преступной сферы.

Романы «Смилла и ее чувство снега» П. Хёга и «Слабость Викторией Бергман» С. А. Сунда являются

доказательством того, что современная скандинавская детективная проза заслуживает серьезного обстоятельного научного исследования как со стороны ее формы и повествовательных стратегий, так и всей системы персонажей, в особенности женских. Можно заметить, что составляющие детективного жанра важны не только для продвижения фабулы. Внимательный читатель и проницательный исследователь, проникая в суть романного повествования, постепенно начинает понимать, что за детективом скрыта попытка обретения героинями гендерной и национальной самоидентификации, преодоления травмирующего опыта и в конечном итоге – выход к подлинной себе самой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильиных С. А. Преобразования гендерной системы и новое трактование концептов маскулинности-феминности // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 55 - 66.
2. Кобленкова Д. В. Шведский «Народный дом» (folkhem) к началу XXI века: трилогия С. Ларссона «Миллениум» [Текст] / Д. В. Кобленкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2014. - №2(3). - С. 63-69
3. Козина Ю. Е. Современный шведский детектив как синкретический жанр: к постановке проблемы. [Текст] / Ю. Е. Козина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (3). С. 256.
4. Кочеткова, Н. «Мои лучшие идеи возникают, когда я хожу в туалет» Питер Хёг о перевоплощении в женщину, воровстве и медитациях / Н. Кочеткова. — Текст : электронный // Лента.Ру : [сайт]. lenta.ru/articles/2017/09/06/hoeg/ (accessed: 12.03.2021)
5. Петренко Л. А. Концепты маскулинности и феминности как предпосылки возникновения зависимости и насилия в гендерных отношениях. Молодой ученый № 2 (82). 2015. С. 435 - 438.
6. Пимонов В. Многообразии округлых форм. Эстетика минимализма и новейшая датская литература // Вопросы литературы. 2007. № 2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/2/li6.html> (29.03.2018).
7. Поэтика зарубежного классического детектива / Коллективный сборник. Ответственные редакторы: К.А.Чекалов, М.Р. Ненарокова; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2019.
8. Сунд Э. А. Слабость Виктории Бергман. [Ч. 2]. Голодное пламя / Эрик Аксл Сунд ; пер. со швед. Е. Тепляшиной. Москва: АСТ : Corpus, 2015.
9. Шпак И. Скандинавский noir hero детективного романа. URL: <http://oaji.net/articles/2014/796-1414759853.pdf>
10. Хёг П. Смилла и ее чувство снега. Санкт-Петербург: Symposium, 2014.
11. Annelies van Hees. Fiction and reality in Smilla's sense of snow // European Studies: A Journal of European Culture, History and Politics. - 2002.
12. Eddie Duggan. Writing in the Darkness: The World of Cornell Woolrich [Электронный ресурс] / E. Duggan – Электронная статья. - 1999. - URL: https://www.academia.edu/6778750/_Writing_in_the_Darkness_The_World_of_Cornell_Woolrich_.Crimetime_1999_, свободный. - 07.04.2020
13. Goldberg, MD. Dissociative Identity Disorder (Multiple Personality Disorder). WebMD Medical Reference. WebMD <https://www.webmd.com/mental-health/dissociative-identity-disorder-multiple-personality-disorder>обращения: 10.03.2021).
14. Judy Gammelgaard. A psychoanalytic reading of Peter Hoeg's novel miss Smilla's feeling for snow // The International Journal of Psychoanalysis, London, - 2001 <https://doi.org/10.1516/C31J-9PNV-TJ5W-GVG0>
15. Sheena Patchay. Not Just a Detective Novel: Trauma, Memory and Narrative Form in Miss Smilla's Feeling for Snow // Journal of Literary Studies. - 2010.

REFERENCES

- Illykh S.A. Transformation the gender system and interpretation of masculinity-femininity. Sotsiologicheskii almanakh. 2012. Vol. 3. P. 55 - 66. (In Russian)
- Koblenkova D.V. Swedish "People"s house" (folkhem) at the beginning of the xxi century: S. Larsson's trilogy "Millennium" Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. Vol. 2(3). P. 63-69. (In Russian)

ШАРАПЕНКОВА Н. Г. , САФРОН Е. А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКОГО НАЧАЛА В РОМАНАХ П. ХЁГА «СМИЛЛА И ЕЕ ЧУВСТВО СНЕГА» И Э. А. СУНДА «СЛАБОСТЬ ВИКТОРИИ БЕРГМАН» // Studia Humanitatis Borealis. 2022. № 1. С. 29-37.

Kozina J. E. The modern swedish detective is as a syncretic genre. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. Vol. 2 (3). P. 256. (In Russian)

Kochetkova , N. My best ideas appear when I go to the toilet Peter Hoeg about transformation into a woman, theft and meditataions Available at: <https://lenta.ru/articles/2017/09/06/hoeg/> (accessed: 12.03.2021)

Petrenko L. A. Stereotypes of masculinity and femininity as a prerequisite for the abuse and violence in gender relations. Molodoi uchenyi. 2015. Vol. 2 (82). P. 435 – 438.

Pimonov V. Diversity of circular shapes. Aesthetic of minimalism and the lastest Dannish literature Voprosy literatury. 2007. Vol 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/2/li6.html> (accessed: 29.03.2018). . (In Russian)

Poetics of a foreign classic detective stor: K.A.Chekalov, M.R. Nenarokova; Institut mirovoi literatury im. A.M. Gorkogo RAN, 2019.

Sund E. A. The Weakness of Victoria Bergman. [part 2]. Hunger Fire. Moscow: AST : Corpus, 2015.

Shpak I. Scandinavian noir hero of a detective novel. Available at: URL: <http://oaji.net/articles/2014/796-1414759853.pdf> (accessed: 29.03.2020).

Heg P. Smilla's Sense of Snow. Saint Petersburg : Symposium, 2014.

Annelies van Hees. Fiction and reality in Smilla's sense of snow // European Studies: A Journal of European Culture, History and Politics. – 2002.

Eddie Duggan. Writing in the Darkness: The World of Cornell Woolrich [Электронный ресурс] / E. Duggan - Электронная статья. – 1999. – URL: https://www.academia.edu/6778750/_Writing_in_the_Darkness_The_World_of_Cornell_Woolrich_-_Crime_time_1999_, свободный. – 07.04.2020

Goldberg, MD. Dissociative Identity Disorder (Multiple Personality Disorder). WebMD Medical Reference. WebMD <https://www.webmd.com/mental-health/dissociative-identity-disorder-multiple-personality-disorder> обращения: 10.03.2021).

Judy Gammelgaard. A psychoanalytic reading of Peter Hoeg's novel miss Smilla's feeling for snow // The International Journal of Psychoanalysis, London, – 2001 <https://doi.org/10.1516/C31J-9PNV-TJ5W-GVG0>

Sheena Patchay. Not Just a Detective Novel: Trauma, Memory and Narrative Form in Miss Smilla's Feeling for Snow // Journal of Literary Studies. – 2010.

TRANSFORMATION OF THE FEMININE IN PETER HOEG'S MISS SMILLA'S FEELING FOR SNOW AND ERIK AXL SUND'S THE WEAKNESS OF VICTORIA BERGMAN

SHARAPENKOVA
Natalia

*PhD in PHILOLOGY,
Head of the Department of German Philology and
Scandinavian Studies,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, natshar@mail.ru*

SAFRON
Elena

*Associate Professor of Department of German Philology
and Scandinavian Studies,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, 00inane@gmail.com*

Keywords:

Scandinavian detective fiction
Peter Hoeg
Erik Axl Sund
nature of female characters
masculinity
femininity

Summary:

The article analyzes the nature of the main female characters and its transformation in modern Scandinavian detective fiction through the example of the novels *Miss Smilla's Feeling for Snow* by Peter Hoeg and *The Weakness of Victoria Bergman* by Erik Axl Sund. The authors of the article reveal the masculinity traits and the distorted feminine in the main female characters representing urgent national, ethical, and gender contradictions in Scandinavian society, which makes the current study highly relevant. The article shows that the heroines of both novels while investigating terrible crimes express courage, logic, powerful minds, break stereotypes of female behavior, thus acting as the female characters of Scandinavian myths. Such behavior is determined by the heavy traumatic experience of their childhoods. In contrast to the female characters, men in the novels not only fade into the background, but lose their gender role and undertake traditional female functions (become househusbands, wash, cook and run the house). The research methodology included the comparative typological method, the motive analysis, the psychoanalytical method and certain culturological tools. The authors conclude that modern Scandinavian detective fiction deserves a proper research regarding its form, genre, narrative strategies and the whole system of characters, especially the female ones.

УДК 7.046.1

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНИХ ШКОЛ ВЕПСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

**СУВОРОВА
ИРИНА
МИХАЙЛОВНА**

*доктор культурологии,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
suvormih@list.ru*

Ключевые слова:

выпускники
образование
профессия
социокультурная ситуация
выбор
человеческий капитал

Аннотация:

в статье рассматривается актуальная проблема образовательного и профессионального выбора одиннадцатиклассников Шелтозерской и Шокшинской средних школ, находящихся на территории вепских сельских национальных поселений. Целью статьи является подробный анализ влияния демографического, экономического, исторического и географического факторов современной социокультурной ситуации на формирование жизненных предпочтений выпускников в плане получения образования и профессии. Эмпирический этап исследования осуществлялся в ходе комплексной научной экспедиции Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ по теме проекта «Способы сохранения человеческого капитала как актуальная проблема Республики Карелия». На этапе эмпирического исследования использовалась комплексная методология, включающая интервью, опрос и анкетирование респондентов. Камеральный этап работы включал обработку результатов интервью, опроса и анкетирования, а также анализ полученных результатов. В итоге были сделаны выводы о предпочтениях выпускников относительно ведущих способов их подготовки к поступлению в вуз и техникум, относительно типа учебного учреждения, выбора специальности. Общий вывод по исследованию выявил, что ресурсов местной социокультурной инфраструктуры явно недостаточно для обеспечения образовательных потребностей выпускников средних школ, что сказывается на определении их профессиональной и жизненной стратегий.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

Получена: 17 апреля 2022 года

Опубликована: 18 апреля 2022 года

Исследование образовательных предпочтений выпускников средних школ является актуальным с точки зрения гуманитаристики по профориентационному, экономическому и прогностическому аспектам. Однако в большинстве случаев самими выпускниками средних школ образование

расценивается как вполне определенный социальный лифт, который помогает выстроить жизненную траекторию личности. С культурологической точки зрения на формирование образовательных и профессиональных амбиций выпускников значимо влияет социокультурная ситуация, в которой они развиваются. Поэтому целью данной статьи является выявление наиболее важных факторов социокультурной ситуации вепских сельских поселений, которые определили образовательный и профессиональный выбор выпускников.

Материалы и методы

Основой для исследования являются материалы, полученные в ходе комплексной научно-исследовательской экспедиции Гуманитарного инновационного парка Петрозаводского государственного университета в сентябре 2020 года в рамках проекта «Способы сохранения человеческого капитала как актуальная проблема Республики Карелия». В качестве методологии использовался комплексный подход, включающий интервью, анкетирование и опрос выпускников Шелтозерской и Шокшинской средних школ.

Результаты

В ходе реализации многолетнего проекта опорного вуза республики «Способы сохранения человеческого капитала как актуальная проблема Республики Карелия» впервые научно-исследовательская экспедиция Гуманитарного парка состоялась на территории компактного проживания коренного малочисленного народа Карелии – вепсов (несмотря на большое представительство вепсов в самой столице республики). Подобный выбор был обусловлен несколькими факторами: необходимостью проводить исследование на исконной территории проживания этноса (по данным администраций вепских поселений 40 % проживающих на данной территории в 2020 году относили себя к вепской национальности), возможностью своеобразного культурного «погружения» в современную социокультурную ситуацию, вероятностью установления конструктивной коммуникации научного сообщества с местным населением. Полученные в ходе комплексной научной экспедиции материалы после камеральной обработки позволили описать социокультурную ситуацию в вепских национальных поселениях с точки зрения действия различных факторов.

В первую очередь – на уровне факторов внутреннего порядка (демографическая ситуация, экономическая модель развития), во вторую очередь – на уровне исторических и географических факторов, в третью очередь – на уровне фактора влияния глобальных процессов, в том числе и влияния пандемии.

Анализ факторов внутреннего порядка показывает, что современные жители вепских национальных поселений Карелии находятся в особых условиях государственного устройства, так как и Шелтозерскому, и Шокшинскому поселениям присвоен статус национальных, что дает определенный ряд преференций жителям (правовых и экономических: выход на пенсию с 50 лет женщинам и 55 лет мужчинам, право получения земельного участка для лодочного гаража на побережье и др.). Конечно, сложно представить современного выпускника, который сегодня задумывается о своей пенсии, но все же данная правовая преференция вполне может влиять на выбор жизненных планов в области тех профессий, которые востребованы в вепских поселениях.

В области государственной национальной политики по отношению к вепсам можно отметить ряд позитивных моментов, имевших место в последние 30 лет. Во-первых, это государственная поддержка вепского языка (преподавание в университете – ПетрГУ – с 1993 года, в школе; издание учебников, книг и журналов; выпуск теле-радиопередач ГТРК «Карелия»). Во-вторых, это поддержка Министерства национальной и региональной политики Республики Карелия местных жителей в деятельности многочисленных некоммерческих организаций и партнерств на территории вепских поселений. В-третьих, это возможность реализации многочисленных муниципальных целевых программ в пределах национального поселения по развитию культуры, благоустройству территории, строительству и содержанию автомобильных дорог и мостов, развитию физической культуры и спорта, обеспечению пожарной безопасности и других. В своих интервью выпускники отмечали богатый опыт участия в культурной жизни вепских поселений, а также реализованную возможность использовать вепский язык не только за школьной партой, но и в реальной коммуникации во время фольклорных праздников и общественных мероприятий.

Анализ демографической ситуации в Шелтозерском и Шокшинском вепских поселениях показывает колеблющуюся стабильность за последние десятилетия. Так, по данным главы администрации Шелтозерского вепского поселения (одно село и пять деревень), за период с 2010 по 2020 год прибыль составила 198 человек (с 980 до 1178), хотя в промежутке с 2015 по 2020 год убыль составляла 30 человек (с 1208 до 1178). В Шокшинском поселении (одно село, один поселок и одна

деревня) за десять лет (с 2009 по 2019 год) убыль населения составила 169 человек (с 1079 до 910 человек). Таким образом, можно сделать вывод о медленно развивающейся негативной демографической тенденции, которая совпадает с общероссийской: снижение числа сельских жителей на фоне увеличения населения мегаполисов.

Важным фактором, сдерживающим убыль населения вепских сел и деревень, является относительная экономическая стабильность, создавшаяся на фоне постоянно работающих горнодобывающих и камнеобрабатывающих производств. Так, например, в администрации Шелтозерского вепского поселения с общей численностью жителей в 1178 человек зарегистрировано в 2020 году 11 горных, 4 торговых предприятия и 5 филиалов производств дорожной, телекоммуникационной и других отраслей. На территории Шокшинского вепского поселения функционирует целый ряд горнодобывающих и камнеобрабатывающих производств, которые также создают рабочие места для местных жителей. И в этом факте прослеживается веками сложившаяся традиция. Как свидетельствует И. Ю. Винокурова, «вепсы Шокши и Рыбреки славились своим каменотесным мастерством: они изготавливали надгробные плиты, памятники, жернова, обтесывали камень для фундаментов домов и ступеней» [2: 27].

Очевидно, что в современной экономической ситуации богатые недра вепской земли позволяют местным жителям избежать безработицы и достойно обеспечить свою жизнь (при средней заработной плате в Карелии в 2019 году в 38 000 рублей заработная плата в горнодобывающей промышленности составила в среднем 61 000 рублей [6]). Следовательно, экономический фактор является стабилизирующим в процессе сохранения человеческого капитала местного населения.

Одним из значимых факторов, влияющих на мобильность и коммуникации местных жителей, является собственно географическое положение вепских поселений Карелии, а конкретно – относительная близость к столице Карелии (84 км), что позволяет вепсам активно участвовать в жизни республики. Однако в ходе опроса выпускников обнаружилась довольно-таки низкая мобильность с целью повышения своего культурно-образовательного уровня. Негативным фактором, сдерживающим мобильность выпускников в 2020 году, стала пандемия, осложнившая сам образовательно-воспитательный процесс в школе и подготовку школьников к ЕГЭ, что, по их мнению, значительно снизило шансы на поступление по выбранной специальности.

Исторические факторы, сформировавшие современный вепский этнос, подробно изучены во множестве источников и не требуют детального пересказа. Достаточно указать, что первые летописные сведения о вепсах относятся к хронике раннего средневековья Иордана «О происхождении и деянии готов *Getica*» VI века н. э., археологические находки свидетельствуют о бытовавшей здесь древневепской культуре X–XI веков н. э. Известны также многочисленные описания борьбы других этносов за данную территорию. Однако среди всех исторических ситуаций, повлиявших на сокращение вепского этноса, самым негативным можно назвать государственную политику СССР по ассимиляции малых народов с целью формирования единой общности – советского народа в ущерб национальным интересам этих народов, в том числе и вепсов. Именно по причине намеренного советского административного разделения вепский этнос до сих пор остается раздробленным в разных субъектах Российской Федерации (Ленинградской, Вологодской областях и Республике Карелия). И, хотя с 1988 года государственная политика в отношении малочисленных народов России изменилась (стали возрождаться язык, фольклор, нематериальные традиции), значимого роста численности вепсов в Карелии не наблюдается. По сути, данный исторический фактор явился определяющим в драматичной судьбе вепского народа.

Древняя история вепской культуры нашла свое отражение в сохранившихся 111 памятниках истории, археологии и архитектуры [4], в ежегодном традиционном вепском празднике «Древо жизни», в деятельности Вепского национального музея (Шелтозеро) и многочисленных фольклорных коллективов. И в современных условиях информатизации и глобализации местные жители с гордостью представляют свою национальную культуру как своеобразный бренд, который позволяет ей сохраняться среди множества других национальных культур. Так, в медийном пространстве созданы сайты о вепской культуре и уже много лет (с 2012 года) развивается Википедия на вепском языке, где представлено «на 22 ноября 2020 года 6616 статей. Вепская Википедия является одним из первых вики-разделов, написанных на языке одной из малых коренных народностей России, а также первым „российским“ разделом, использующим латинскую графику в качестве основной» [1]. Таким образом, можно констатировать факт, что процессы глобализации и информатизации позволяют вепсам не только сохранять, но и популяризировать свою национальную культуру в медийном пространстве, что способствует, в том числе, и сохранению человеческого капитала.

Все опрошенные выпускники Шокшинской и Шелтозерской средних школ также отметили позитивную роль глобальной информатизации образовательного процесса как возможность получения дополнительной помощи при подготовке к итоговой аттестации и поступлению в вуз. В личных интервью также единодушно выпускники оценили образование как ценный багаж знаний, умений и навыков, который позволяющий человеку реализовывать свои профессиональные амбиции.

По сути, выпускники оценили значимость своего образования как составную часть человеческого капитала, что совпадает с позицией ученых: «человеческий капитал – это накопленные знания, умения и навыки, полученные человеком в процессе обучения и практической деятельности и позволяющие ему успешно выполнять свою профессиональную деятельность» [5: 4]. Станет ли полученное в средней школе образование для выпускников вепских поселений той базой, которая позволит получить выбранную профессию, успешно построить свою жизненную стратегию на родной земле или профессиональный выбор выпускников не связан с перспективой родных мест? Ответы на данные вопросы мы получили как в ходе персональных интервью, так и в результате проведенного анкетирования.

В анкетировании были задействованы все 100 % учеников 11 классов Шокшинской и Шелтозерской средних школ – всего 13 человек, из них: 16 лет – 4 респондента, 17 лет – 9 респондентов, женского пола – 7 респондентов, мужского – 6 респондентов, 11 человек – из полных семей, 2 человека – из неполных семей, 4 человека – из многодетных семей. Респондентам была предложена анкета (см. Приложение), составленная на основе проведенного ВШЭ комплексного исследования «Мониторинг экономики образования» [3].

По результатам камеральной обработки анкет выяснилось, что 45 % респондентов не знают уровня образования и не имеют сведений о работе своих родителей, что свидетельствует об отсутствии интереса выпускников к профессиональному и образовательному багажу собственных родителей.

В разделе анкеты об обеспечении образовательной деятельности 50 % респондентов указали, что постоянно пользуются домашней библиотекой, в то время как у 15 % респондентов дома нет книг; 100 % респондентов имеют для обучения и развлечения домашние компьютеры и ноутбуки, а также смартфоны с выходом в интернет, что говорит о типичном для современного школьника способе получения информации.

Круг образовательных интересов в рамках школьной программы у данных респондентов оказался весьма специфичным: 55 % назвали своим любимым предметом физическую культуру, 38 % – русский язык и литературу, 31 % – математику и обществознание, остальные школьные предметы оказались не приоритетными для данных выпускников. Вне школы 70 % респондентов не занимались нигде, что свидетельствует об очень низких возможностях социокультурной инфраструктуры, предназначенной именно для старшеклассников; 31 % респондентов занимались на курсах по подготовке к ЕГЭ дистанционно, 15 % – с репетиторами и 15 % – в спортивных секциях. Тем не менее, за последние два года в школе 87 % выпускников имели награды за участие в предметных олимпиадах, были награждены за хорошую учебу, побеждали в творческих конкурсах и спортивных соревнованиях.

В разделе анкеты о перспективах своего образования 54 % выпускников отметили, что намерены поступать в вуз, 23 % – в колледж и 23 % – не определились с выбором. При этом 45 % выпускников намерены учиться и работать одновременно, хотя 77 % респондентов намерены учиться очно на дневном отделении в вузе 54 %

Профессиональный выбор выпускников разнообразен: образование, здравоохранение, экономика, культура, информационные технологии и строительство. По окончании вуза у 50 % нынешних выпускников нет планов на будущее, хотя некоторые из них заявили о перспективе работать в государственных учреждениях, в коммерции, основать свое дело. В качестве самой важной характеристики будущей профессии респонденты указали возможность заниматься любимым делом, на втором месте – возможность продвинуться по карьерной лестнице и на третьем – хороший заработок. Этот выбор нынешних выпускников можно расценить как желание самореализации и самопрезентации в достижении профессионального успеха.

Относительно отдаленных жизненных планов, касающихся возможности переезда, 100 % респондентов не рассматривают перспективу отъезда за рубеж на постоянное место жительства. Однако 62 % выпускников заявили, что планируют уехать из родного села на постоянное место жительства в другой город/поселок России, что, безусловно, будет только усугублять демографическую ситуацию в вепских сельских поселениях Карелии.

Обсуждение и заключение

На основании анализа результатов камеральной обработки данных можно сделать следующие

1. Географическое положение вепских поселений не играет сколько-нибудь значимой роли в формировании образовательных и профессиональных предпочтений выпускников средних школ в условиях пандемии, поскольку свой познавательный интерес они свободно удовлетворяют в информационном пространстве интернета.
2. Экономическая стабильность поселений за счет горнодобывающих и камнеобрабатывающих производств также не влияет на образовательный и профессиональный выбор выпускников (никто не заявил о выборе профессии в области горного дела).
3. Наличие правовых преференций и социальных льгот для большинства (62 %) выпускников не являются привлекательными для постоянного места жительства.

Таким образом, современную социокультурную ситуацию на территории локального проживания вепсов можно оценить как развивающуюся и содействующую сохранению вепских традиций среди населения. Однако ресурсов местной социокультурной инфраструктуры явно недостаточно для обеспечения образовательных потребностей выпускников средних школ, что, в свою очередь, требует консолидации усилий специалистов в области педагогики, психологии и профориентации.

Приложение

Анкета для выпускников

Петрозаводский государственный университет обращается к Вам с просьбой ответить на ряд вопросов. В каждом вопросе выберите (обведите кружком) номера вариантов ответов, которые более всего соответствуют Вашему мнению. Опрос анонимный, фамилию указывать не нужно. Материалы опроса будут использованы только в обобщенном виде.

Ваш пол:

Женский

Мужской

- Ваш возраст ____
- В каком классе вы обучаетесь ____

Кто проживает вместе с Вами в одной квартире (доме) (исключая соседей)

- Мать
- Отец
- Мачеха, отчим
- Бабушка, дедушка
- Братья, сестры
- Другие родственники
- Другие лица – не родственники

Расскажите, пожалуйста, об образовании Ваших родителей

У Вашей мамы:

- Среднее общее образование
- Среднее профессионально-техническое
- Среднее специальное образование
- Неоконченное высшее
- Высшее
- Не знаю
- Нет этого родителя

У Вашего отца

- Среднее общее образование
- Среднее профессионально-техническое
- Среднее специальное образование
- Неоконченное высшее
- Высшее
- Не знаю
- Нет этого родителя.

Расскажите, пожалуйста, о работе Ваших родителей

Ваша мама:

- Не работает
- Не работает, но ищет работу
- Пенсионерка и не работает
- Учится и не работает
- Рабочая, с/х рабочая
- Служащая средней квалификации
- Имеет свой мелкий бизнес, оказывает частные услуги, самозанятая
- Специалист высокой квалификации
- Руководитель подразделения
- Руководитель, заместитель руководителя предприятия
- Предприниматель, собственник фирмы
- Другая должность
- Не знаю, кем работает

Ваш отец:

- Не работает
- Не работает, но ищет работу
- Пенсионер и не работает
- Учится и не работает
- Рабочий, с/х рабочий
- Служащий средней квалификации
- Имеет свой мелкий бизнес, оказывает частные услуги, самозанятый
- Специалист высокой квалификации
- Руководитель подразделения
- Руководитель, заместитель руководителя предприятия
- Предприниматель, собственник фирмы
- Другая должность
- Не знаю, кем работает

Сколько у Вас братьев и сестер?

- Нет
- 1
- 2
- 3 и больше

Есть ли у Вас дома следующие книги (изданные на бумаге)

- художественная литература

- книги, альбомы по искусству
- энциклопедии, справочники
- книги по истории, философии
- научная литература
- книги на иностранных языках
- нет ничего из перечисленного

Есть ли у Вас дома следующие устройства, которыми Вы можете пользоваться (в том числе вместе с другими членами семьи)

- стационарный компьютер
- лэптоп (ноутбук, переносной компьютер)
- планшетный компьютер (типа iPad)
- ридер для электронных книг
- мобильный телефон с выходом в Интернет
- приставка для видеоигр
- нет ничего из перечисленного

Что из перечисленного ниже Вы делали/получали за последние два года?

- Участвовали в предметных олимпиадах любого уровня (школьного, районного и т. д.)
- Участвовали в дополнительных занятиях (в школе или в другом учреждении), где даются задания повышенной сложности по какому-либо предмету
- Были награждены за успехи в учебе (грамотой, медалью и т. д.)
- Отправляли свои работы на конкурс (художественный, научный и т. д.)
- Изучали еще один иностранный язык
- Занимали призовые места на спортивных соревнованиях (лично Вы или Ваша команда)
- Имели награды или поощрения в связи с занятиями музыкой, художественным

творчеством, танцами и т. д. (лично Вы или Ваш коллектив)

- Другие виды достижений
- Не было ничего из перечисленного

Какие Ваши самые любимые предметы в школе?

- Русский язык
- Литература
- История
- География
- Обществознание (экономика, социология)
- Математика (алгебра, геометрия)
- Физика
- Химия
- Биология
- Иностранный язык
- Физическая культура
- Другой
- Никакие предметы не нравятся

Посещаете ли Вы сейчас (или собираетесь посетить) в этом году дополнительно, помимо учебы в школе, какие-либо занятия, кружки, секции, и если да, то какие именно?

- С репетитором для подтягивания по предмету

- С репетитором для подготовки выпускному экзамену за 9-и класс (только для учащихся 9-го класса)
- С репетитором для подготовки к ЕГЭ
- На курсах подготовки к ЕГЭ
- С репетитором для подготовки к поступлению в училище, техникум или вуз
- На курсах для подготовки к поступлению в училище, техникум или вуз
- В научных кружках, клубах
- В творческих кружках, студиях или школе (театр, музыка, танцы и т. д.)
- В спортивных кружках, секциях, школе, клубе
- На курсах иностранного языка
- На компьютерных курсах
- На профессиональных курсах (обучение профессии бухгалтера, парикмахера, водителя и т. д.)
- Другие кружки, секции, курсы
- Нигде помимо школы дополнительно не занимаюсь и не собираюсь заниматься
- Занимаюсь или собираюсь заниматься

Что Вы планируете делать после окончания школы (9-го или 11-го класса)?

- Учиться в учреждении профессионального образования
- Учиться и работать
- Сначала работать, а потом учиться
- Пойду в армию, а потом учиться
- Работать
- Пойду в армию, а потом работать
- Не буду ни работать, ни учиться
- Не знаю, еще не решил(а)

В какие учебные заведения Вы собираетесь поступать после школы, после армии или после того, как поработаете?

- Сначала в учреждение среднего профессионального образования (училище, техникум), а потом в вуз
- Только в учреждение среднего профессионального образования (училище, техникум)
- Только в вуз
- Не знаю, еще не решил(а)

Вы будете поступать на дневное, вечернее или заочное обучение?

- Дневная форма обучения
- Вечерняя (очно-заочная) форма обучения
- Заочная форма обучения
- Не знаю, еще не решил(а)

На каком предприятии, в учреждении Вы хотели бы работать после окончания учебы (в школе, техникуме, вузе и т. д.)?

- Государственном, бюджетном
- Совместном, в иностранной фирме
- Частном, акционерном
- Открыть собственное дело
- Другое
- Все равно

В перспективе хотели бы Вы уехать из Вашего города, поселка в другой город России?

- Да, на учебу
- Да, на работу на 1-3 года
- Да, на постоянное место жительства
- Нет
- Нет ответа

В перспективе хотели бы Вы уехать из Вашего города, поселка за рубеж?

- Да, на учебу
- Да, на работу на 1-3 года
- Да, на постоянное место жительства
- Нет
- Нет ответа

Вы собираетесь после школы продолжить образование:

- В Карелии
- За пределами Карелии
- За рубежом

Если вы определились с выбором будущей профессии, укажите, пожалуйста, ее сферу:

- Еще не определился
- Здравоохранение
- Экономика и бухгалтер
- Право
- Сфера обслуживания
- Сельское хозяйство
- Промышленность
- Силловые структуры, армия, правоохранительные органы
- Строительство
- Информационные технологии
- Наука
- Образование
- Торговля
- Культура
- Другое

Что, по Вашему мнению, наиболее важно для будущей профессии:

Оцените по пятибалльной шкале, где цифра 1 означает, что эта характеристика совсем не важна для работы, а цифра 5 означает, что эта характеристика работы будет решающим элементом для Вас. В промежутке может быть выбрано любое цифровое выражение, отражаемое значимость позиции. (Отметьте по каждому пункту).

EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL PREFERENCES OF SECONDARY SCHOOL GRADUATES IN VEPS SETTLEMENTS IN MODERN SOCIOCULTURAL SITUATION

**SUVOROVA
Irina**

*Doctor of Culturology,
Professor of Philosophy and Culture studies Department,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, suvormih@list.ru*

Keywords:

graduates
education
profession
sociocultural situation
choice
human capital

Summary:

The article deals with the current problem of educational and professional choice of the eleventh-graders of Sheltozero and Shoksha secondary schools located in the territory of the Veps rural national settlements. The purpose of the article is to conduct a detailed analysis of the influence of demographic, economic, historical and geographical factors of the current sociocultural situation on the formation of the graduates' life preferences in terms of education and future profession. The empirical stage of the study was carried out during a comprehensive research expedition organized by the Humanitarian Innovation Park as part of the project entitled "Ways to Preserve Human Capital as an Urgent Problem of the Republic of Karelia". The methodology toolkit used during the empirical stage included interviews, surveys and questionnaires. During the desktop stage, the obtained results were processed and analyzed. As a result, the conclusions were made about the graduates' preferences regarding the main ways of preparing them for admission to universities and technical schools, the choice of educational institutions for further education, and the choice of a future profession. The general conclusion was that local sociocultural infrastructure obviously lacks resources to meet the educational needs of secondary school graduates, which affects their professional and life strategies.

УДК 316.34

ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ РЕАЛЬНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

**ФАДЕЕВА
НАТАЛЬЯ
ЛЕОНИДОВНА**

*Старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
nata84fa@mail.ru*

**САЧУК
ДЕНИС
ИГОРЕВИЧ**

*Старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
sachuk_ptz@mail.ru*

Ключевые слова:

социальная защита
социальный контракт
малообеспеченность
уровень жизни
социологическое исследование

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос, с помощью каких инструментов система социальной защиты способна оказывать влияние на уровень жизни в Республике Карелия. Актуальность исследования подтверждается оценками перспектив развития российской экономики и российского рынка труда, а также нарастающими темпами инфляции, что приводит к неутешительным прогнозам относительно уровня и качества жизни российских домохозяйств. Возможным решением является система социальной защиты, которая с помощью прямых и косвенных рычагов способна оказывать влияние на уровень материальной обеспеченности своих клиентов. Авторами работы проведено социологическое исследование методом опроса семей, обратившихся за помощью в учреждения социальной защиты Республики Карелия. На основании социологического исследования рассматриваются взгляды малообеспеченных семей на возможности повышения уровня материальной обеспеченности домохозяйств. Авторы рассматривают возможности социального контракта как инструмента противостояния снижению уровня жизни в текущей турбулентной ситуации в экономической системе. По результатам исследования сделаны принципиальные выводы о необходимости расширения программ социальной поддержки на региональном уровне и усиления работы по распространению среди населения информации о возможностях системы социальной защиты.

© 2022 Петрозаводский государственный университет

ВВЕДЕНИЕ. АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В СЛОЖИВШЕЙСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В настоящий момент российское общество находится в эпицентре трансформационных процессов. Совокупность экзогенных факторов, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие российского общества, превышает все возможные ожидания как рядовых российских граждан, так и представителей российской элиты. Совокупную дополнительную нагрузку на экономическую систему еще предстоит оценить в полной мере, однако уже сейчас очевиден масштаб возникающих экономических трудностей.

Основной массив экономических трудностей связан, прежде всего, со значительным списком экономических санкций, наложенных на Российскую Федерацию со стороны значительной части стран мира. Санкции рассматриваются нами в рамках данной статьи как фактор оказания давления и утверждения господства в международных отношениях, который предполагает использование странами-инициаторами мер экономического давления на страны-адресаты с целью добиться изменения их политического курса [5: 39]. Целью статьи не является рассмотрение экономических последствий введения и расширения санкций непосредственно для экономической системы. Однако экономические санкции оказывают непосредственное негативное воздействие на уровень и качество жизни населения. И это воздействие вызывает явную тревогу своими масштабами и темпами развития.

Если рассуждать в терминах экономического кризиса, то базово предполагается, что от последствий экономического кризиса вне зависимости от факторов его наступления в наибольшей степени страдают представители среднего класса и средних слоев населения [3: 8]. Однако, во-первых, в современном мире, где отмечается постепенное развитие социального неравенства [2: 87], необходимо новое понимание средних слоев. Во-вторых, реализуемый в настоящее время сценарий принципиально отличается от стандартного кризиса, вызванного циклическими изменениями в экономической системе. Важной особенностью феномена санкций является принципиальное экономическое превосходство коалиции стран-инициаторов над страной-адресатом, что делает возможным применение большого пакета санкций, наносящих моментальный существенный урон экономической стабильности страны-адресата. В этих условиях под ударом оказываются не только средние слои, но и основные уязвимые с социально-экономической точки зрения слои населения [1: 90].

В западной социологической мысли эти уязвимые с экономической точки зрения слои объединяются под общим обозначением прекариата, предложенным британским социологом Г. Стендингом. Он определил понятие прекариата через совокупность признаков, к которым были отнесены отсутствие гарантий занятости, гарантий рабочего места; специфическое место в структуре распределения (прекариат вправе полагаться исключительно на прямое денежное вознаграждение за труд); дефицит гражданских, социальных, – чувство незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне, чувство социального неблагополучия [4: 51]. Для нас особенно интересен третий критерий обозначения этой крайне обширной и, несомненно, разнородной социально-экономической группы, поскольку он фактически указывает на специфические отношения прекариата с государством.

Среди основных групп, пополняющих ряды прекариата, выделяют женщин, которые не смогли вследствие гендерных особенностей рынка труда примкнуть к стабильному salariату; молодежь, впервые выходящую на рынок труда (с точки зрения и растущей дифференциации на рынке образовательных услуг, и с точки зрения «стажеромании»); а также люди, в большей степени зависящие от социальных выплат, институт которых в современную кризисную эпоху рецессии подвергается как теоретическим нападкам, так и реальным сокращениям [4: 109-155].

Действительно, изначально прекариат можно рассматривать исключительно как группу, занимающую неустойчивое положение, прежде всего, на рынке труда. Представители прекариата занимают обширную нишу вторичного рынка труда, который характеризуется худшими условиями труда, сниженными гарантиями защищенности занятия, низкими возможностями к карьерному продвижению и т. д. Однако вследствие своего незащищенного положения на рынке труда представители прекариата вынуждены искать для себя определенного гаранта стабильности их положения, поскольку рынок труда эти гарантии им предоставить не в состоянии. Логично предположить, что в условиях современного конъюнктурного кризиса именно этот глобальный институт выступает подобным гарантом.

В отечественной практике сложно полноценно говорить о российском прекариате, однако общность этого понятия с уязвимыми слоями населения и феноменом малообеспеченности позволяет проводить определенные параллели. Экономическая система России находится под серьезным санкционным давлением, рынку труда угрожает существенное высвобождение рабочей силы. Так что

определенным группам населения, очевидно, придется пересматривать структуру своих доходов, полагаясь не только на трудовые доходы.

Параллельно с этим важно не упускать из виду, что и при сохранении рабочего места сегодняшний обыватель сталкивается со снижением реальных доходов. Центральный банк РФ на основании экспертного опроса заявил, что прогноз по росту инфляции в 2022 году перенесен на уровень 20 % при сокращении ВВП на 8 %, при изначальном прогнозе роста на 2,4 % [i]. В этих условиях не приходится рассчитывать на рост доходов вследствие трудовой деятельности.

Таким образом, наши взоры обращаются к системе социальной защиты, которая располагает определенными ресурсами для поддержания уровня жизни уязвимых слоев населения на приличествующем уровне. Поэтому одной из задач социологического исследования, в организации и проведении которого участвовали авторы статьи, являлось выявление уровня осведомленности малообеспеченных семей республики Карелия о возможностях системы социальной защиты, в частности, на примере социального контракта как социально-экономической практики. Обратимся к описанию социологического исследования.

ОПИСАТЕЛЬНОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАЛООБЕСПЕЧЕННЫХ СЕМЕЙ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Бедные семьи с детьми можно разделить на две группы: малоимущие, которые по различным причинам не обращаются за помощью; бедные, обращающиеся в центры социальной помощи за поддержкой и получающие ее. В данном исследовании в фокусе внимания находятся семьи с детьми, являющиеся получателями мер социальной помощи.

Социологическое исследование реализовано в рамках комплекса мер по развитию эффективных социальных практик, направленных на сокращение бедности семей с детьми и улучшение условий жизнедеятельности детей в таких семьях в Республике Карелия.

При сборе эмпирического материала была использована квотная выборка, которая включила все муниципальные округа и городские территории республики. Всего было включено 18 баз для проведения опроса по числу отделений по работе с гражданами. В исследовании приняло участие 817 респондентов. Полевой этап исследования реализовывался в момент обращения граждан специалистами ГКУ СЗ РК «Центр социальной работы Республики Карелия»; ГБУ СО РК «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей»; благотворительного фонда (БФ) «Мама-дом»; БФ «Материнское сердце»; ГБУ СО РК Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей «Надежда».

Одной из основных форм оказания адресной социальной помощи малоимущим гражданам является социальный контракт, предусмотренный 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [6], который является основным способом оказания помощи с 2021 года на всей территории России (до этого социальный контракт выступал пилотным проектом в нескольких субъектах РФ). Социальный контракт должен способствовать развитию адресной помощи в социальной политике и переходу от пассивного получения мер социальной поддержки к активным формам социальной помощи.

Социальный контракт подразумевает своего рода договор между гражданином/семьей и государством, где каждая из сторон имеет определенные обязательства по его выполнению. Контракт подразумевает разработку индивидуальной программы по преодолению трудной жизненной ситуации лицами (семьями), чей доход оказался ниже прожиточного минимума.

Поддержка в рамках социального контракта реализуется в следующих направлениях: помощь в поисках работы, направление на переобучение, ведение личного подсобного хозяйства, осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности [ii]. С марта 2022 года в социальный контракт внесены изменения: при выявлении нуждаемости семьи в социальной поддержке не будут учитываться доходы членов семьи, уволенных с 1 марта 2022 года, что, безусловно, расширит круг семей, претендующих на государственную помощь.

В отличие от совокупности социальных выплат и пособий, денежные средства предоставляются строго на определенные цели и строго ограниченное время.

По результатам исследования, практически три четверти респондентов обладают хотя бы минимальной информацией о данной мере социальной поддержки и лишь каждая десятая семья (рис. 1.) пользуется данной формой социальной помощи, среди них половину составляют многодетные семьи. Возможно, небольшой процент обратившихся к социальному контракту объясняется тем, что государство осуществляет контроль за выполнением обязательств, а при нарушении договора

предполагается возврат средств.

Рис. 1. Информированность населения о социальном контракте
Figure 1. Awareness of the population about the social contract

Наиболее высокий уровень осведомленности о социальном контракте наблюдается в Петрозаводске (с большим отрывом от других районов республики), Беломорском, Кемском и Лоухском районах. Среди наименее информированных: Костомукша, Пряжинский и Лахденпохский районы.

Стоит обратить внимание, что практически каждый третий респондент никогда не слышал о контракте. Здесь необходимо обратить внимание на методы и способы информирования о существующих мерах социальной помощи малообеспеченным семьям, при этом необходимо предоставлять детальную информацию доступным для всех языком.

Развитие системы социального контракта дает возможность более полно реализовать трудовой потенциал малообеспеченных граждан, повысить уровень их благосостояния, а также создать условия для их активного участия в жизни общества.

Анализ ежемесячного дохода семей показывает, что половина семей, состоящих из 2-х членов, более трети из 3-х и 4-х членов имеют общий доход от 15 до 30 тысяч рублей. Это говорит о том, что многие семьи характеризуются дефицитом денежных доходов.

Больше двух третей респондентов, получающих социальную помощь в виде социальных выплат, компенсаций и льгот, оценивают ее как важную составляющую семейного бюджета. В особенности многодетные семьи отмечают существенную роль социальной поддержки.

Половина респондентов отмечает, что в результате обращения за государственной помощью жизнь их семьи улучшилась (рис. 2). Треть опрошенных после получения социальной помощи никаких изменений не почувствовала. 19,7 % затруднились оценить свою жизнь после получения социальной помощи. Можно сказать, что в системе социальной поддержки существуют определенные проблемы, которые требуют особого внимания и совершенствования.

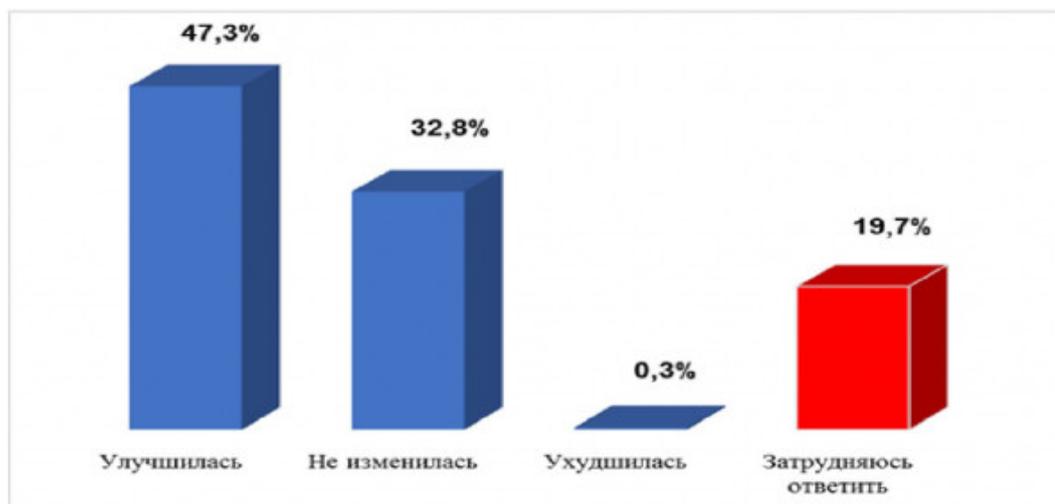

Рис. 2. Изменения в жизни семьи после получения помощи
Figure 2. Changes in family life after help

Среди тех, кто получает социальную поддержку, каждый третий затруднился ответить на вопрос об эффективности действующих мер социальной поддержки семей, больше половины респондентов в разной мере отметили эффективность существующих мер.

Исследование информированности о возможностях социальной помощи в Карелии показал, что 95 % опрошенных респондентов знают, в какие организации им необходимо обращаться для получения социальных льгот и пособий (рис.3). При этом с большим перевесом лидирует центр социальной работы по месту жительства. Помимо этого, население обращается в такие организации как многофункциональный центр, отделения Пенсионного фонда по республике, а также различные учреждения социального обслуживания.

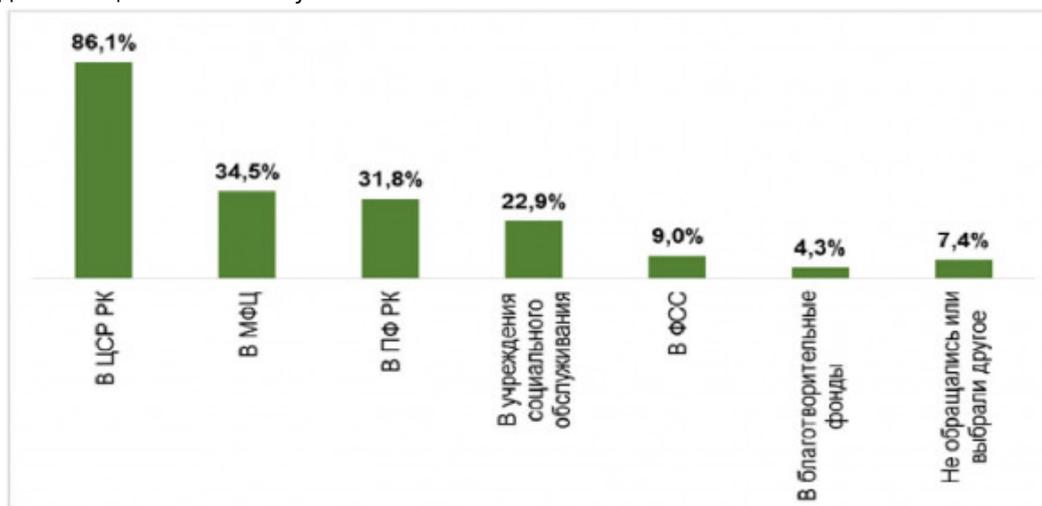

Рис. 3. Организации, куда население обращается за помощью
Figure 3. Organizations where the population turns for help

Среди причин, по которым люди не обращаются за помощью и поддержкой, прежде всего, выделяются причины, связанные со взаимодействием с государственными органами: это неверие в положительный результат и бюрократические проволочки, связанные со сбором большого количества документов и долгого хождения по разным инстанциям.

Кроме того, каждый пятый респондент не имеет информации о том, куда нужно обращаться за такой помощью (рис.4).

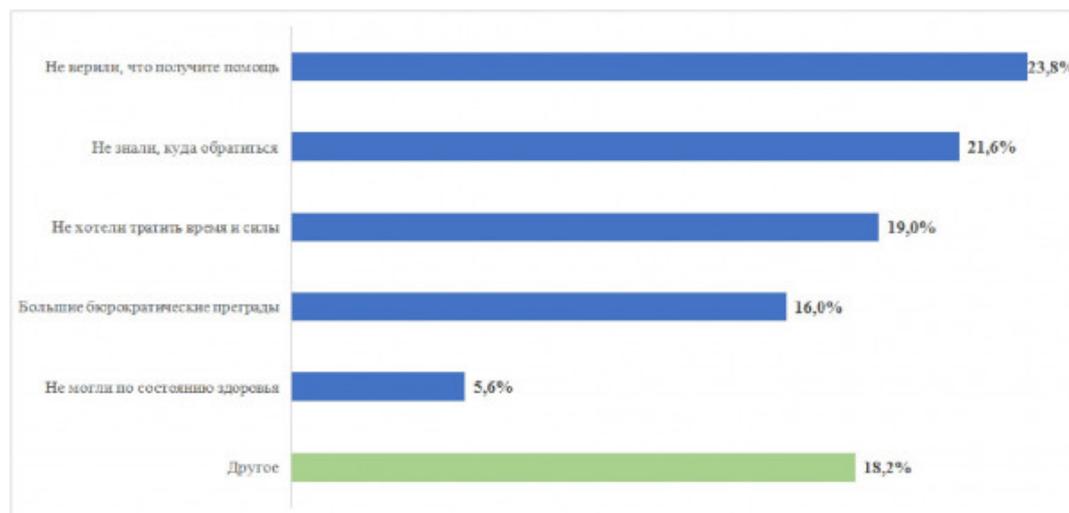

Рис. 4. Причины отказа от обращения за социальной помощью
Figure 4. Reasons for refusal to apply for social assistance

Положительные изменения в своей жизни после обращения за социальной помощью оценили прежде всего жители Кондопожского, Суоярвского, Лоухского районов, а также города Костомукша – от двух третей респондентов.

Вопрос на выявление готовности предпринимать действия по улучшению своего материального положения позволил выделить две группы действий.

В первую группу входят шаги, на которые опрашиваемые респонденты готовы пойти с большей вероятностью. Сюда входит смена места работы, повышение профессионального и образовательного уровня, а также переобучение, что в свою очередь благоприятно сказывается на формировании кадрово-профессионального потенциала населения.

Вторую группу составляют действия, на которые семьи с детьми не готовы. Учитывая то, что ведение бизнеса требует определенного уровня ответственности, предпринимательских способностей и финансовых вложений, только 15 % опрошенных готовы пойти на это. Стоит отметить, что семьи без детей в два раза чаще готовы прибегнуть к этому варианту. Переезжать туда, где больше возможностей, семьи также не готовы. Вариант удаленной работы семьями не рассматривается – объяснить это можно тем, что она подходит не для всех профессий и не во всех районах есть возможность реализации ее на практике.

Вариант ответа	Семьи без детей	Семьи с 1 ребенком	Семьи с 2 детьми	Семьи с 3 и более детьми
Поменять место работы /найти работу	72,7	50,6	53,6	49,5
Пройти переобучение	77,3	49,8	48,1	41,4
Повышать свой профессиональный и образовательный уровень	77,3	45,6	49,4	40,1
Найти дополнительную работу	77,3	45,6	49,4	40,1
Рассмотреть вариант удаленной работы	40,9	34,2	31,4	24,8
Переехать туда, где больше возможностей заработать	27,3	22,8	18,4	17,1
Открыть собственное дело	31,8	13,9	16,3	14
Экономить на развлечениях и отдыхе	54,5	39,7	35,1	39,6
Обратиться за мерами социальной поддержки в форме социального контракта	13,6	31,2	26,4	34,2

Табл. Готовность предпринять действия для улучшения материального положения (в % от числа ответивших на вопрос)

Table Willingness to take actions to improve the financial situation (in % of the number of respondents to the question)

Семьи без детей в целом в большей мере настроены предпринимать какие-либо действия для изменения своего благосостояния в лучшую сторону, в то время как многодетные семьи не отличаются высокой активностью в этом плане, они не готовы менять место работы, проходить переобучение и повышать свой профессиональный уровень.

Три четверти семей без детей готовы найти дополнительную работу, семьи с 3 и более детьми реже остальных рассматривают этот вариант (40 %). Также семьи без детей является более мобильными, они готовы переехать туда, где больше возможностей. Многодетные семьи в свою очередь отличаются меньшей мобильностью, так как организовать переезд для большой семьи является более затратным. Они ориентированы на помощь со стороны государства, треть многодетных семей готова обратиться за мерами социальной поддержки в форме социального контракта.

Кроме того, следует отметить, что достаточно большое количество респондентов в принципе не определилось со своими возможными действиями по улучшению благосостояния семьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ ПО ТЕМЕ

Современные конъюнктурные изменения придают экономическим процессам откровенно турбулентные свойства. На этом фоне процессы размывания защищенности значительной части работников на рынке труда протекают особенно интенсивно, накладываясь на объективный рост инфляции и снижения реальных доходов населения. В этих реалиях разумным инструментом поддержания экономической и финансовой устойчивости становится обращение к системе социальной защиты.

Тем не менее, данные социологического исследования показывают, что возможности системы используются откровенно не в полной мере. Малообеспеченные семьи знают, в какие учреждения необходимо обратиться, чтобы получить помощь и поддержку, однако лишь каждая десятая семья принципиально готова к изменению своего трудового статуса на примере социального контракта.

Причины слабого использования указанного механизма можно разделить на две большие группы. С одной стороны, потенциал социального контракта не раскрыт полностью, поскольку практически половина малообеспеченных семей отмечает недостаток или отсутствие информации о данной мере. Соответственно, и те семьи, которые в недалеком будущем будут оказываться в уязвимом социально-экономическом положении, тоже ощутят нехватку информации. Поэтому первая значимая рекомендация – резкое расширение информационной деятельности структур, связанных с реализацией социального контракта в целях минимизации паузы между утратой позиции на рынке труда и активной деятельностью по содействию занятости.

Вторая значимая причина – сомнения потенциальных участников социального контракта в эффективности мероприятий с точки зрения бюрократических барьеров и по причине низкого доверия к государственным структурам. Очевидно, необходимая гибкость системы социального контракта, а также доверие значительных масс населения к данной социально-экономической практике будет придаваться по мере массовой реализации социального контракта, что вновь приводит к мысли о необходимости расширения информационной активности системы социальной защиты в Республике Карелия.

Наконец, важным промежуточным выводом можно считать признание того, что мощным сдерживающим фактором является неготовность малообеспеченных семей к резким изменениям уклада своей жизни с точки зрения географической и социальной мобильности. В этом отношении отметим, что подобные ограничения в целом характерны для малообеспеченных семей, погруженных в субстантивную экономику, и их преодоление связано с удачным социальным опытом и завершенными социально-экономическими практиками, одной из которых и может являться социальный контракт. Остается надеяться, что интенсификация усилий по информированию населения о возможностях системы социальной поддержки и социального контракта в частности, позволит пройти турбулентный этап развития российской экономической системы и рынка труда с минимальными потерями.

Примечания

^[i] Данные экспертного опроса Центральным банком РФ опубликованы на интернет-портале РБК: <https://www.rbc.ru/finances/10/03/2022/622a2a139a794789e7dc2287>

^[ii] По статистическим данным «Российской газеты» и «Парламентской газеты», если в 2020 году было заключено более 104 тысяч социальных контрактов, то в 2021 году – 280 тысяч контрактов, которые охватили почти миллион граждан РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Еремина А.Е. Экономические санкции: понятие, типология, особенности // Постсоветский материк. 2019. №4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-ponyatie-tipologiya-osobennosti>;
2. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации [Текст] / пер. с англ. Д. Шестакова. - М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. - 336 с.;
3. Горшков М. К., Тихонова Н.Е., Аникин В.А., Латова Н.В., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Петухов В.В., Седова Н.Н., Тюрина И.О. Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов. Информационно-аналитическое резюме по результатам многолетнего мониторинга. М. Институт Социологии РАН. – 2016. – 39 с.;
4. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. - М.: Ад Марингем Пресс, 2014. - 328 с.;
5. Тимофеев И. Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО. 2018. №2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie>
6. Федеральный закон РФ «О государственной социальной помощи» №178-З от 17.07.1999 (ред. от 08.03.2022) // КонсультантПлюс: офиц. сайт / Компания «КонсультантПлюс». – [Москва], 1997–2022. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/

References

1. Eremina A.E. Economic sanctions: concept, typology, features // Post-Soviet Continent. 2019. No. 4

- (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-ponyatie-tipologiya-osobnosti>;
2. Milanovich B. Global inequality. A new approach for the era of globalization [Text] / transl. from English. D. Shestakova. - M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2017. - 336 p. (In Russian)
 3. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Anikin V. A., Latova N. V., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V., Petukhov V. V., Sedova N. N., Tyurina I. O. The Russian middle class in conditions of stability and crises. Information and analytical summary based on the results of long-term monitoring. M. Institute of Sociology RAS. - 2016. - 39 p.
 4. Standing G. Precariat: a new dangerous class. - M.: Ad Maringem Press, 2014. - 328 p.;
 5. Timofeev I. N. Economic sanctions as a political concept // Bulletin of MGIMO -University. 2018. No. 2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie>
 6. Federal Law of the Russian Federation "On State Social Assistance" No. 178-3 of July 17, 1999 (as amended on March 8, 2022 // Consultant Plus: official. website / Company "ConsultantPlus". - [Moscow], 1997-2022. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/

SOCIAL PROTECTION SYSTEM'S CAPACITY TO INCREASE THE REAL INCOMES OF POPULATION

**FADEEVA
NATALIA**

*Senior lecturer of the department sociology and social work,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, nata84fa@mail.ru*

**SACHUK
DENIS**

*Senior lecturer of the department sociology and social work,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, sachuk_ptz@mail.ru*

Keywords:

social protection
social contract
poverty
living standard
sociological research

Summary:

The article addresses the tools used by the social protection system to influence the standard of living in the Republic of Karelia. The relevance of the study is confirmed by the estimated negative prospects for the development of the Russian economy and the Russian labor market, as well as the growing rate of inflation, which leads to disappointing forecasts about the level and quality of life of Russian households. Social protection system could be a possible solution, because it can use both direct and indirect leverages to influence the level of material well-being of individuals and families. The authors conducted a sociological study by interviewing families which applied to the social protection institutions of the Republic of Karelia for help. The authors consider the views of low-income families on the possibilities to increase the households' level of material security. The authors also investigated the possibilities of using social contract as a tool to fight the decline in living standards in the current turbulent economic situation. Based on the results of the study, the authors made some conclusions about the expansion of social support programs at the regional level and enhancing the awareness of the population about the possibilities of the social protection system.